

Глава первая, в которой повествуется о разных людях и обстоятельствах их жизни и приятным образом подготавливается все то удивительное и весьма диковинное, что содержится в последующих главах

То был благословенный год. На полях зеленели и великолепно наливались рожь и пшеница, ячмень и овес; крестьянские мальчики забирались в горох, а добрая скотина в клевер. Ветви деревьев ломались от вишен, и стаи воробьев, несмотря на самые лучшие намерения - склевать все дочиста, - вынуждены были половину оставить на съедение другим. Из дня в день все живое досыта наедалось за большим открытым столом природы. Но краше всего были овощи, на славу уродившиеся в огороде господина Дапсуля фон Цабельтау, и не диво, что фрейлейн Аннхен была вне себя от радости.

Но здесь, пожалуй, надобно сообщить, кто были господин Дапсуль фон Цабельтау и фрейлейн Аннхен.

Быть может, любезный читатель, когда-нибудь путешествие приведет тебя в ту прекрасную страну, где протекает ласковый Майн. Теплый утренний ветер обвеивает благоуханным дыханием равнину, сверкающую в сиянии восходящего солнца. Тебе не сидится в тесной карете, ты оставляешь ее и бредешь через рощу и, только спускаясь в долину, завидишь деревушку. Внезапно ты сталкиваешься в роще с долговязым господином, который приковывает твое внимание своим необычным платьем. На черный как смоль парик насажена маленькая серая войлочная шляпа, и все-то на нем серое - сюртук, жилет и панталоны, серые чулки и башмаки, и даже длинная палка покрыта серым лаком. Раскачивающейся походкой идет он навстречу, устремив на тебя большие, глубоко запавшие глаза, но, по-видимому, совсем не замечает тебя.

- С добрым утром, сударь! - кричишь ты, когда он едва не сшибает тебя с ног.

Он вздрагивает, словно внезапно пробудившись от глубокого сна, приподнимает небольшую шляпу и глухим плаксивым голосом отвечает:

- С добрым утром? О сударь! Какая радость, что утро прекрасно! Бедные жители Санта-Круц - только что два подземных удара, а теперь вот льет проливной дождь!

Ты недоумеваешь, любезный читатель, что надлежит ответить этому странному человеку, но, пока

ты размышляешь, он, промолвив: «С вашего дозволения, сударь», уже тихо прикоснулся к твоему лбу и взглянул па твою ладонь.

- Да благословит вас небо, сударь, вам благоприятствуют звезды, - говорит он так же глухо и плаксиво, как прежде, и уходит.

Этот чудаковатый человек не кто иной, как господин Дапсуль фон Цабельтау, чье единственное наследственное владение, бедная деревушка Дапсульхейм, раскинулось в самой приветливой и отрадной местности - куда ты сейчасходишь. Ты расположен позавтракать, но в корчме хоть шаром покати. Во время ярмарки поели все припасы, и так как ты не довольствуешься одним молоком, то тебе указывают на господский дом, где фрейлейн Анна радушно угостит тебя всем, что на сей случай припасено. Ты не стесняясь пойдешь туда. Про этот господский дом ничего не скажешь, кроме того, что в нем и впрямь есть окна и двери, как некогда в замке господина барона фон Тондертонктонка из Вестфалии[*]. Но над входом красуется герб семейства фон Цабельтау, вырезанный из дерева с искусством новозеландского мастера. Этот дом необычен с виду оттого, что северная его сторона примыкает к ограде старинного разрушенного замка, и задняя дверь дома некогда была калиткою замка, что выходила прямо на замковый двор, посреди которого высится, до сих пор еще невредимая, круглая сторожевая башня. Из тех дверей, где прибит фамильный герб, навстречу тебе выходит молодая краснощекая девушка, которую за ее ясные синие глаза и белокурые волосы можно бы назвать и впрямь красавицей; только, пожалуй, сложена она чуть-чуть грубовато и не в меру пышна. Воплощенная приветливость, она зазывает тебя в дом и, едва приметив, что ты голоден, тотчас же угостит тебя отменным молоком, предложит изрядный ломоть хлеба с маслом, а затем копченую ветчину, которая покажется тебе приготовленной в Байонне[**], да и стаканчик свекольной настойки. Притом девушка - а она не кто иная, как фрейлейн Анна фон Цабельтау, - бойко и свободно толкует обо всем, что касается сельского хозяйства, обнаруживая отнюдь не малые познания. Внезапно невесть откуда доносится громкий грозный оклик: «Анна! Анна! Анна!» Ты в испуге, но фрейлейн Аннхен приветливо поясняет:

[* Барон фон Тондертонктоик (точнее - Туядер-тен-тронк) - персонаж из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм».]

[** Байонна - город на юго-западе Франции, у побережья Бискайского залива.]

- Папаша вернулся с прогулки и требует завтрак к себе в кабинет.

- Требует к себе в кабинет? (Ты изумлен.)

- Да, - отвечает фрейлейн Анна, или фрейлейн Аннхен, как ее все зовут, - да, папашин кабинет там, наверху, в башне, и он кричит в трубу.

И ты, любезный читатель, видишь, как Аннхен тут же отворяет узкую дверь башни и бежит наверх с тем же холодным завтраком, каким ты сам только что насытился, с изрядной порцией ветчины и хлеба и крепкой свекольной настойкой. С такой же поспешностью она возвращается к тебе и, прогуливаясь с тобою по прекрасному огороду, так много рассказывает о цветной кудрявке, рапунтике, английском турнепсе, маленькой зеленоголовке, монтрю, великом моголе, желтой принцессой головке и прочих предметах, что ты приходишь в немалое изумление, в особенности, когда не знаешь, что под этими благородными наименованиями подразумевается не что иное, как салат и капуста.

Я полагаю, любезный читатель, что непродолжительный визит в Дапсульхейм был для тебя достаточен, чтобы вполне уяснить все обстоятельства, касающиеся этого дома, о коем я намерен поведать тебе различные диковинные и маловероятные вещи. Господин Дапсуль фон Цабельтау в молодости редко отлучался из замка родителей, владевших обширными поместьями. Его наставник, чудаковатый старик, обучая его чужестранным, и в особенности восточным, языкам,

воспитывал в нем склонность к мистике, или, лучше сказать, к таинственности. Наставник умер, оставив всю свою библиотеку по тайным наукам молодому Дапсулю, который в них и углубился. Вскоре умерли родители, и вот молодой Дапсуль отправился в дальнейшее странствование, а именно - как то внушил ему наставник, - в Индию и Египет. Когда он по прошествии многих лет наконец возвратился, то нашел, что во время его отсутствия двоюродный брат управлял его имуществом с таким великим усердием, что ничего не уберег, кроме маленькой деревушки Дапсульхейм. Господин Дапсуль фон Цабельтау слишком стремился к рожденному солнцем золоту высшего мира, чтобы особенно дорожить земным. Он даже растроганно поблагодарил двоюродного брата за то, что тот сохранил ему приветливый Дапсульхейм с прекрасной высокой башней, словно нарочно построенной для занятий астрологией. Господин Дапсуль фон Цабельтау тотчас же распорядился устроить на самом верху этой башни кабинет. Заботливый двоюродный брат также уверил Дапсуля, что ему надлежит жениться. Дапсуль покорился этой необходимости и без промедления женился на девице, которую выбрал для него двоюродный брат. Жена вошла в дом с той же поспешностью, с какой затем покинула его. Она умерла, родив ему дочь. Двоюродный брат хлопотал на свадьбе, крестинах, похоронах, так что Дапсуль с высоты своей башни мало что заметил из всего происходящего, особливо же потому, что в ту пору на небе объявилась весьма диковинная хвостатая звезда в том сочетании светил, с которыми почитал себя связанным меланхоличный, вечно предчувствующий недоброе Дапсуль. Дочурка росла под присмотром старой бабушки, и, к немалой ее радости, в Аннхен пробудилась решительная склонность к сельскому хозяйству. Фрейлейн Аннхен пришлось, как говорится, пройти все степени. Она начала с гусятницы, потом стала младшей служанкой, потом старшею ключницей и, наконец, хозяйкою дома, так что изложение теории подкреплялось благодетельной практикой. Она чрезвычайно любила гусей и уток, кур и голубей, коров и овец; она не оставалась равнодушной и к нежному откармливанию дородных свинок, хотя и не уподобилась некой сельской девице, что украсила белого поросенка бантом и бубенчиками, превратив его в комнатную собачонку. Но милее всего, даже милее садоводства, ей был огород. С помощью бабушкиной сельскохозяйственной учености фрейлейн Аннхен, как уже приметил благосклонный читатель из беседы с нею, действительно приобрела отличные теоретические познания в разведении овощей. Когда перекапывали и засеивали огород, когда сажали рассаду, фрейлейн Аннхен не только смотрела за всеми работами, но и сама принимала деятельное в них участие. Фрейлейн Аннхен отлично орудовала заступом, чего не могли не признать за нею даже самые коварные завистники. Меж тем как господин Дапсуль фон Цабельтау предавался астрологическим наблюдениям и углублялся в различные другие мистические предметы, фрейлейн Аннхен после смерти старой бабушки как нельзя лучше вела хозяйство, и если Дапсуль стремился к небесному, то Аннхен с усердием и ловкостью пеклась о земном.

Как уже сказано, не было чуда в том, что фрейлейн Аннхен не могла нарадоваться, глядя в этом году на цветущий огород. Но пышнее и выше всех разрослась гряда моркови, обещавшая наобывновенный урожай.

- Мои милые, замечательные морковки! - не раз повторяла фрейлейн Аннхен, хлопала в ладоши, прыгала и плясала, вела себя, как дитя, получившее богатые подарки в сочельник[*].

[* Сочельник - канун Рождества Иисуса Христа.]

Правда, казалось, крошки-морковки в земле также радуются вместе с Аннхен, ибо негромкий смех, что раздавался вокруг, по-видимому, доносился из гряды. Аннхен как-то не обратила на него внимания, а побежала навстречу работнику, который с письмом в поднятой руке кричал:

- Вам письмо, фрейлейн Аннхен! Готлиб привез его из города.

Аннхен сразу узнала по адресу, что письмо не от кого другого, как от молодого господина Амандуса фон Небель-Штерна, обучавшегося в университете, единственного сына соседа-

помещика. В ту пору, когда Амандус еще жил в отцовской деревеньке и каждый день навещался в Дансультгейм, он убедился, что никогда в жизни не полюбит больше никого, кроме фрейлейн Аннхен. Точно так же и фрейлейн Аннхен была уверена, что ей никогда не будет мил кто-нибудь другой, кроме Амандуса с каштановыми кудрями. А посему оба - Аннхен и Амандус - решили пожениться, и чем скорее, тем лучше, и стать самой счастливой четой на всем свете. Раньше Амандус был веселым и простодушным юношей, в университете же он попал бог весть кому в руки; ему не только наговорили, что он необыкновенный поэтический гений, но и склонили на всякие сумасбродства. И он весьма преуспел во всем, так что вскоре воспарил над тем, что жалкие прозаики называют разумом и рассудком и вдобавок, заблуждаясь в своих суждениях, уверяют, будто бы то и другое превосходно уживается с самой пламенной фантазией. Итак, письмо было от молодого господина Амандуса фон Небельштерна. Обрадованная фрейлейн Аннхен тотчас распечатала и прочла:

«Небесная дева!

Видишь ли ты, чувствуешь ли, догадываешься ли сердцем, что твой Амандус, как некий цветок, обвеваемый напоенным померанцами дыханием благоуханного вечера, лежит на мураве и созерцает небо очами, исполненными благоговейно любви и трепетного обожания? Тимиан и лаванда, розы и гвоздики, желтоокие нарциссы и стыдливые фиалки сплетает он в венок. И цветы - это мысли о любви, мысли о тебе, о Анна! Но приличествует ли вдохновенным устам изъясняться черствой прозой? Внемли, о внемли, ибо лишь сонетами я могу выразить мою любовь к тебе, любить тебя.

Любовь - как солнц алкающих пыланье,

И сердце к сердцу страстию влекомо.

В слезах любви, на глади водоема

Отражено лучистых звезд блистанье.

Сладчайший плод, сквозь горечь прозябанья,

Струит свой сок - блаженство и истома!

Над далью фиолетовую - дрема,

Я растекаюсь в неге и страданье.

Грохочет пена огненного вала,

Пловец отважный, движимый любовью,

Готов нырнуть в пучину водной шири.

Вот - гиацинты близкого причала;

Вскипает сердце и исходит кровью,

А сердца кровь - сладчайший корень в мире.

О Анна, когда ты будешь читать этот сонет всех сонетов, пусть снизойдет на тебя тот небесный восторг, в коем растворилось все мое существо, когда я писал, а затем с божественным воодушевлением читал этот сонет родственным мне душам, чувствующим самое возвышенное в жизни. Помни, помни, о сладостная дева, о своем верном, беспредельно восторженном Амандусе фон Небельштерне.

Не забудь, о высшее существо, приложить к ответу два-три фунта виргинского табаку, который ты сама выращиваешь. Он славно курится и несравненно приятней порторико, которым чадят

студенты, когда собираются на попойку».

Фрейлейн Аннхен прижала письмо к губам и сказала:

- Ах, как мило, как красиво! И прелестные стишки, все так в рифму. Ах, если б я была такой умной, чтобы понять все хорошенько, но, наверное, это могут только студенты. А что тут, собственно, означает «сладчайший корень»? Ах, должно быть, он говорит о длинной красной английской моркови или даже о рапунтике, - какой милый!

В тот же день фрейлейн Аннхен принялась укладывать табак и дала деревенскому учителю двенадцать отборных гусиных перьев, чтобы он их тщательно отточил. Фрейлейн Аннхен была намерена еще сегодня засесть за ответ на драгоценное письмо. Меж тем, когда фрейлейн Аннхен убегала с огорода, ей вслед раздался довольно внятный смех, и если бы Аннхен была чуть повнимательнее, то непременно услышала бы тоненький голосок, который пищал:

- Вытащи меня, вытащи меня, я созрел, созрел, созрел!

Но, как уже сказано, она не обратила на него внимания.

Глава вторая, что содержит первое чудесное приключение и иные достойные прочтения вещи, без которых не может состояться обещанная сказка

В полдень господин Дапсуль фон Цабельтау, по обыкновению, сходил с астрономической башни вниз, чтобы вместе с дочерью скромно отобедать, всегда наскоро и в полной тишине, ибо Дапсуль не был охотником до разговоров. Аннхен также не досаждала ему многословными речами, ибо отлично знала: стоит папаше и впрямь разговориться, то он понесет такую странную околесицу, что у нее голова пойдет кругом. Но нынче ее мысли так всполошились цветением огорода и письмом любимого Амандуса, что она беспрестанно болтала то об одном, то о другом вперемежку. Наконец господин Дапсуль фон Цабельтау выронил нож и вилку, зажал уши ладонями и вскричал:

- О суетное, вздорное, бестолковое пустословие!

Но как только фрейлейн Аннхен испуганно смолкла, он заговорил свойственным ему протяжным, плаксивым голосом:

- А что касается до овощей, любезная дочь, то мне давно ведомо, что в нынешнем году взаимное действие созвездий особенно благоприятствует плодам такого рода, и сыны земли будут вкушать капусту, редиску и кочанный салат, дабы умножалась земная материя и они, подобно хорошо

вылепленному горшку, могли бы выдержать пламень мирового духа. Гномическое[*] начало противоборствует воинственной саламандре[**], и я рад тому, что буду есть пастернак, который ты отменно готовишь. Касательно же молодого господина Амандуса фон Небельштерна, то у меня нет и малейшего возражения против того, чтобы ты вышла за него замуж, как только он возвратится из университета. Пошли только ко мне наверх Готлиба сказать, когда ты с женихом пойдешь под венец, чтобы я мог проводить вас до церкви.

[* Гномы - в средневековых поверьях германских народов духи, охраняющие подземные сокровища. Нередко они предстают в виде злых или добрых карликов.]

[** Саламандры - духи огня.]

Господин Дапсуль умолк на мгновение и, не глядя на зардевшуюся от радости Аннхен, продолжал, улыбаясь и постукивая вилок по стакану, - улыбка у него всегда сопровождалась таким постукиванием, хотя сама по себе эта привычка обнаруживалась у него довольно редко. Итак, он продолжал:

- Твой Амандус - тот, кто должен и принужден быть любимым, я разумею герундий, и я хочу тебе признаться, любезная Аннхен, что давным-давно составил гороскоп этому герундию. Почти все сочетания звезд довольно благоприятны. В восходящем узле стоит Юпитер, который взирает на Венеру в шестичасном аспекте. Его пересекает путь Сириуса, и как раз в точке пересечения таится большая опасность, от которой он спасет невесту. Сама опасность непостижима, ибо тут вступает какое-то чуждое существо, не подвластное астрологической науке. Впрочем, известно, что то особенное психическое состояние, которое принято называть дурью или сумасбродством, поможет Амандусу осуществить означенное спасение. О дочь моя, - тут господин Дапсуль снова впал в свой обычный плаксивый тон, - о дочь моя, пусть никакая зловещая сила, что коварно скрывается от моих провидящих очей, не загородит тебе внезапно пути, дабы молодой господин Амандус фон Небельштерн не был принужден спасать тебя от какой-нибудь другой опасности, кроме опасности остаться старой девой! - Дапсуль несколько раз глубоко вздохнул и затем продолжал: - Но вслед за этой опасностью обрывается путь Сириуса, и Венера и Юпитер, до того разлученные, соединяются примиренные.

Уж много лет господин Дапсуль фон Цабельтау не говорил так много, как сегодня. В полном изнеможении он встал из-за стола и снова поднялся к себе на башню.

На другой день ранним утром Аннхен управилась с ответом господину фон Небельштерну. Письмо гласило:

«Возлюбленный мой Амандус!

Ты и не поверишь, какую радость опять доставило мне твое письмо. Я передала о том папе, и он обещал проводить нас в церковь к венцу. Устрой только, чтобы поскорее вернуться из университета. Ах, если бы я могла разобраться в твоих премилых стишках, что так славно рифмуются! Когда я сама читаю их себе вслух, то они звучат так чудесно, и мне кажется, что я все понимаю, а потом все пропадает, путается и разлетается, и мне сдается, что я читала одни слова, ничем не связанные между собой. Наш деревенский учитель полагает, что так и надлежит быть и что таков именно новый, возвышенный язык, но я - увы! - я только глупая простушка! Напиши, нельзя ли мне на время записаться в студенты, только чтоб не запустить хозяйство? Пожалуй, это невозможно? Но уж зато как только мы станем мужем и женою, то и мне что-нибудь да перепадет от твоей учености и твоего нового, возвышенного языка. Посылаю тебе, сердечно любимый мой Амандус, виргинский табак. Я доверху набила им коробку из-под шляп, сколько поместилось, а новую соломенную шляпу покамест надела на голову Карлу Великому[*], который стоит в нашей гостиной, хотя у него и нет ног, - ты ведь знаешь, это всего только бюст. Не подыми меня на смех, Амандус, а я вот тоже написала стишки, и они славно рифмуются. Напиши мне только, как это

получается, что, не будучи ученым, знаешь, что получается в рифму. А теперь послушай-ка:

Люблю тебя, хотя мы чужие,
Итак, хочу стать твоей женой.
Свод неба очень голубой,
А вечером звезды золотые.
А потому ты вечно
Любить меня должен сердечно,
Шлю тебе виргинский табак,
Кури на здоровье, как дружбы знак!

Будь пока доволен моими стараниями; когда я постигну возвышенный язык, постараюсь писать лучше. В нынешнем году салат латук уродился чрезвычайно, а карликовая фасоль прекрасно всходит, но моего таксика, малютку Фельдмана, большой гусак вчера коварно ущипнул за ногу. Итак, на этом свете ничто не совершенно. Мысленно целую тебя сто раз, мой милый Амандус, твоя верная невеста Анна фон Цабельтау.

P. S. Я писала в большой спешке, отчего некоторые буквы вышли вкривь и вкось.

P. S. Но ты не пеняй на меня, ведь я хоть и пишу криво, да пряма душой и пребываю тебе верна и всегда твоя Анна.

P. S. Вот те на! Я было совсем запамятовала! Ах я растеряха! Папа тебе сердечно кланяется и велит передать, что ты именно тот, кто должен и принужден и когда-нибудь спасет меня от великой опасности. И я страх как этому рада и еще раз остаюсь твоей любящей, неизменно верной Анной фон Цабельтау».

[* Карл Великий (742 - 814) - франкский король, завоевания которого привели к образованию обширной империи. Политика Карла Великого содействовала формированию феодальных отношений в Западной Европе.]

У фрейлейн Аннхен словно гора с плеч свалилась, когда она закончила письмо, над которым немало потрудились. Но на душе у нее стало весело и легко только тогда, когда она смастерила конверт и запечатала его, не обжегши пальцев и бумаги, довольно явственно вывела кистью на табачном ящике «А. ф. Н.» и отдала Готлибу, чтобы он снес его вместе с письмом в город, на почту. Позаботившись о домашней птице, фрейлейн Аннхен поспешила на свой любезный огород. Дойдя до гряд с морковью, она решила, что настало время подумать о городских лакомках и копать на продажу первую морковь. Кликнув служанку, чтобы подсобила в работе, фрейлейн Аннхен осторожно зашла на середину гряды и ухватила высокий пучок ботвы. Но когда она потащила, раздался странный звук. Не следует тут вспоминать про тот ужасный визг и вой, какой слышится, когда выдергивают из земли корень альрауна, отчего разрывается человеческое сердце. Нет, звуки, доносившиеся из земли, походили на тонкий, радостный смех. Все же фрейлейн Аннхен выпустила пучок из рук и вскричала, слегка напуганная:

- Ай, да кто же это там смеется надо мною?

Но как только все стихло, она еще раз ухватила за зеленый пучок, который, казалось, был выше и пышнее прочих, и невзирая на смех, снова раздавшийся возле нее, смело вытащила из земли прекраснейшую и нежнейшую морковку. Но едва фрейлейн Аннхен взглянула на морковь, как закричала от радостного испуга. Служанка подскочила к ней и, увидев прелестное чудо, закричала столь же громко, как и фрейлейн Аннхен. На морковь был плотно надет великолепный золотой

перстень с искрящимся топазом.

- Глядите, - воскликнула служанка, - да ведь это ваш, фрейлейн Аннхен, это обручальное кольцо! Наденьте его поскорее!

- Какой вздор, - ответила фрейлейн Аннхен, - обручальное кольцо мне должен преподнести господин Амандус фон Небельштерн, а не какая-то морковь!

И чем дольше фрейлейн Аннхен любовалась перстнем, тем больше он ей нравился. А перстень поистине был такой тонкой, изящной работы, что, казалось, превосходил все, что когда-либо производило человеческое искусство. Перстень состоял из несчетного множества крохотных фигурок, сплетенных в разнообразные группы, сперва едва видимые простым глазом; но затем, когда внимательно в них всматриваешься, они, казалось, начинают расти, оживают и пляшут в легких хороводах. А драгоценный камень горел необычайным огнем, и даже в «Зеленом своде»[*] в Дрездене едва ли можно было найти подобный топаз.

[* «Зеленый свод» - музей в Дрездене, в котором помещена коллекция саксонских ювелирных изделий.]

- Кто знает, - говорила служанка, - как долго прекрасный перстень пролежал глубоко в земле, и вот наконец заступ поднял его наверх и сквозь него проросла морковь.

Тут фрейлейн Аннхен сняла с моркови перстень, и - странно! - морковь выскользнула у нее из рук и пропала в земле, но служанка и фрейлейн Аннхен почти совсем не обратили на это внимания: они были погружены в созерцание великолепного перстня, который фрейлейн Аннхен не задумываясь надела на мизинец правой руки. Сделав это, она тотчас же ощутила во всем пальце колющую боль, которая прекратилась, едва Аннхен ее почувствовала.

За обедом, само собой разумеется, она поведала господину Дапсулю фон Цабельтау о диковинном приключении на морковной гряде и показала прекрасный перстень, снятый с моркови. Она хотела снять перстень, чтобы отец мог получше рассмотреть его. Но тут же снова почувствовала колющую боль, как и тогда, когда надевала перстень, и эта боль не унималась все время, пока она пыталась снять перстень, и в конце концов стала такой нестерпимой, что ей пришлось отступить от своего намерения. Господин Дапсульт с напряженным вниманием рассматривал перстень на руке Аннхен,

велел ей, вытянув палец, описать различные круги, обратившись ко всем четырем странам света, после чего погрузился в глубокое раздумье и, не промолвив ни единого слова, отправился на башню. Фрейлейн Аннхен слышала, как ее папаша, подымаясь по лестнице, тяжело вздыхал и охал.

На следующее утро, когда фрейлейн Аннхен гонялась по двору за большим петухом, который творил всякие бесчинства, а в особенности задирали голубей, господин Дапсуль фон Цабельтау вдруг так ужасно зарыдал в разговорную трубу, что Аннхен вся затрепетала и, сложив руку горстью, крикнула ему:

- Почему это вы, любезный папаша, так немилосердно завываете? Вы всполошите всю мою птицу!

На что господин Дапсуль прокричал в разговорную трубу:

- Анна, дочь моя Анна, немедленно подымись ко мне!

Фрейлейн Аннхен чрезвычайно удивилась такому приказанию, ибо папаша никогда еще не звал ее на башню, а, напротив, тщательно запирали за собой дверь. Она порядком струхнула, покамест взбиралась по узкой витой лестнице и отворяла тяжелую дверь, что вела в единственную комнату башни. Господин Дапсуль фон Цабельтау сидел в большом кресле необыкновенного вида, весь обложенный всяческими диковинными инструментами и запыленными фолиантами. Перед ним стояла подставка с рамой, на которой был натянута бумага, исчерченная различными линиями. На голове господина Дапсуля была высокая остроконечная серая шапка, а на нем самом - широкий серый коломянковый хитон[*], а с подбородка свисала привязанная длинная белая борода, так что он и впрямь походил на волшебника. Из-за этой-то поддельной бороды фрейлейн Аннхен сперва не узнала папашу и боязливо озиралась по сторонам в надежде, не стоит ли он где-нибудь в углу. Когда же фрейлейн Аннхен убедилась, что бородатый человек на самом деле ее папаша, то от всей души рассмеялась и спросила: не наступили ли уже святки и не собрался ли папаша представлять работника Рупрехта?

[* Коломянковый хитон. Хитон - одежда древних греков, считая в виде рубашки без рукавов и подпоясанная с напуском. Коломенок - вид льняной ткани с гладкой и мягкой лицевой поверхностью.]

Оставив без всякого внимания ее слова, господин Дапсуль фон Цабельтау взял в руки маленькую железную палочку, притронулся ко лбу Аннхен и затем несколько раз провел по ее правой руке от плеча до кончика безымянного пальца, после чего ей пришлось усестись в кресло, с которого встал господин Дапсуль, и положить палец с надетым на него перстнем на бумагу в раме так, чтобы топаз оказался в центре, куда сходились все линии. В тот же миг из драгоценного камня во все стороны полились желтые лучи, так что весь лист стал бурным. Тут линии затрещали, пришли в движение, и, казалось, маленькие человечки, прыгнув с перстня, весело засуетились по всему листу. Между тем господин Дапсуль, не сводя глаз с листа, схватил тонкую металлическую пластинку и обеими руками поднял вверх, намереваясь прижать к бумаге; но в тот же миг он поскользнулся на гладком каменном полу и пребольно хлопнулся задом, а металлическая пластинка, которую он инстинктивно выпустил из рук, чтобы по возможности удержаться от падения и уберечь копчик, со звоном упала на пол. С тихим «ах!» фрейлейн Аннхен очнулась от странного полузабытья, в которое была погружена. Господин Дапсуль с трудом поднялся, снова надел серую, похожую на сахарную голову шапку, оправил поддельную бороду и уселся против фрейлейн Аннхен на фолианты, нагроможденные друг на друга.

- Дочь моя, - начал он, - дочь моя Анна, каково было у тебя сейчас на душе? О чем думала? Что чувствовали? Какие образы в глубине твоего существа открылись перед твоими духовными глазами?

- Ах, - возразила фрейлейн Аннхен, - мне было так отрадно на душе, так отрадно, как никогда. Потом я вспомнила господина Амандуса фон Небельштерна. Я отчетливо видела его, только был он

куда красивее, чем обыкновенно, и курил трубку виргинского табаку, который я ему послала, и все это было ему весьма к лицу. Потом мне вдруг страшно захотелось поест молодой моркови и жареной колбасы, и я была в восхищении, когда блюдо очутилось предо мною. И только собралась отведать, как, словно получив болезненный толчок, пробудилась от грез.

- Амандус фон Небельштерн... виргинский табак... морковь... жареная колбаса! - задумчиво пробормотал господин Дапсуль фон Цабельтау и кивнул дочери, которая собиралась удалиться, чтобы она осталась. - Счастливое, простодушное дитя, - заговорил он более плаксивым, чем когда бы то ни было, тоном, - ибо ты не посвящена в глубокие мистерии Вселенной и не знаешь о грозных опасностях, обступивших тебя. Тебе неведома астральная наука священной каббалы[*]. Правда, по этой причине ты никогда не приобщишься к небесной радости мудрецов, кои, достигнув высшей ступени, не смеют ни пить, ни есть, кроме как для утехи, и коим вовсе чуждо все человеческое; но зато тебе неведом и страх самого восхождения на эту ступень, как твоему несчастному отцу, коего еще часто обуревают земная суэта, и то, что с трудом познает он, вызывает один только страх и ужас; все еще следуя насущной человеческой потребности, он принужден есть и пить и вообще не отступать от земного. Знай же, любезное, счастливое своим неведением дитя, что недра земли, воздух, вода и огонь наполнены существами, по природе своей высшими, и все же более ограниченными, нежели люди. И как будто нет надобности растолковывать тебе, моя глупышка, свойства природы гномов, саламандр, сильфид[**] и ундин[***], - тебе не уразуметь этого. Но чтобы дать тебе понятие, какая опасность, быть может, грозит тебе, довольно сказать, что эти духи непрестанно ищут брачного союза с людьми; и так как им доподлинно известно, что люди обычно гнушаются вступать в такие союзы, то помянутые духи употребляют всяческие хитроумные средства, чтобы завлечь людей, коих они почтили своим благоволением. Ветвь, цветок, стакан воды, искра или еще что-нибудь, кажущееся совсем незначительным, - вот чем пользуются они для достижения своей цели. Верно и то, что такие союзы нередко бывают весьма благополучны. Так, некогда два священника, о которых повествует князь Мирандола[*4], прожили целых сорок лет в счастливом браке с одним из таких духов. Верно и то, что величайшие мудрецы рождались от союза человека со стихийным духом. Так, великий Зороастр[*5] был сыном саламандры Оромазиса, также великий Аполлоний, мудрый Мерлин[*6], храбрый граф фон Клеве, великий кабалист Бензира были достойными плодами подобных браков, и прекрасная Мелузина, по свидетельству

Парацельза[*7], не кто иная, как сильфида. Но, невзирая на то, опасность подобного союза весьма велика, ибо, не говоря уже о том,, что стихийные духи требуют, чтобы лучезарное сияние глубочайшей мудрости озарило тех, кого они почтили своим благоволением, сами они крайне чувствительны и жестоко мстят за всякую обиду. Однажды случилось, что сильфида, соединенная браком с неким философом, когда тот беседовал с друзьями об одной прекрасной женщине, и, быть может, слишком пылко, тотчас показала в воздухе свою белоснежную точеную ножку, как бы желая убедить его друзей в своей красоте, и затем тут же на месте умертвила беднягу философа. Но - ах! - зачем говорить о других, почему не сказать о самом себе? Я знаю - вот уже двенадцать лет меня любит одна сильфида, но даже если она пуглива и робка, то и меня терзает мысль об опасности привязать ее к себе кабалистическими средствами, ибо я сам еще слишком завишу от земных потребностей, а потому лишен надлежащей мудрости. Каждое утро я принимаю решение поститься и благополучно пропускаю завтрак, но когда наступает час обеда - о Анна, дочь моя Анна! - ты ведь знаешь, как ужасно я обжираюсь! - Сии последние слова господин Дапсуль фон Цабельтау произнес каким-то завывающим тоном, и горчайшие слезы оросили его сухие, впалые щеки. Потом он продолжал спокойнее: - Но я придерживаюсь самого тонкого обращения и изысканной учтивости по отношению к благоволящему ко мне стихийному духу. Я никогда не осмелюсь выкурить трубку табаку без надлежащих кабалистических предосторожностей, ибо не ведаю, угоден ли нежному духу воздушной стихии этот сорт табака и не чувствителен ли дух к осквернению своей субстанции, ибо те, кто курят «охотничий кнастер» или «да процветает Саксония», никогда не удостоиваются мудрости и любви сильфид. Точно так же действую я, когда вырезаю палку из орешника, срываю цветы, ем фрукты или высекаю огонь - все мои старания направлены к тому, чтобы не испортить дела, задев какого-нибудь стихийного духа. И все же ты отлично видишь вон ту ореховую скорлупу; поскользнувшись о нее, я упал навзничь и испортил опыт, который открыл бы мне всю тайну перстня. Не припомню, чтобы когда-нибудь я ел орехи в этом посвященном лишь науке покое (теперь тебе понятно, почему я завтракаю на лестнице), и тем очевидней, что в этой скорлупе укрылся маленький гном, быть может, для того, чтобы побывать вольнослушателем на моих занятиях и подглядеть мои опыты. Ибо стихийные духи любят человеческие науки, в особенности те, что непосвященные люди называют если не вздорными и сумасбродными, то превосходящими человеческое разумение и оттого опасными. Вот почему эти духи часто присутствуют во время божественных магнетических операций. В особенности гномы не прочь подурачиться над человеком и магнетизеру, не достигшему той степени мудрости, что я описывал вначале, и слишком погрязшему в земных нуждах, подсовывают влюбленную земную девушку в то мгновение, когда он, просветленный совершенной радостью, уверен, что обнимал сильфиду. И вот когда я наступил на голову маленькому студенту, он рассердился и сбил меня с ног. Но, видимо, более важная причина заставила гнома воспрепятствовать мне расшифровать тайну перстня. Анна! Дочь моя Анна! Внемли - я разведал, что некий гном почтил тебя своим благоволением, и, ежели судить по свойству перстня, гном богат, благороден и притом весьма тонко образован. Но, бесценная Анна, любимая, простосердечная глупышка, что с тобою будет? Как, не подвергая себя страшной опасности, вступишь ты в союз с подобным стихийным духом? Ежели бы ты читала Кассиодора Рема[*8], то, верно, могла бы мне возразить, что, согласно его правдивому рассказу, знаменитая Магдалена де ла Круа, аббатиса испанского монастыря в Кордове, тридцать лет наслаждалась супружеством с маленьким гномом, и то же случилось с неким сильфом и юной Гертрудой, монахиней назаретского монастыря близ Кельна; но подумай об ученых занятиях этих духовных особ и о своих собственных. Какая разница! Вместо того чтобы черпать мудрость из книг, ты зачастую кормишь кур, гусей, уток и других невыносимых для всякого кабалиста животных; вместо того чтобы наблюдать небо, следить за течением созвездий, ты копаешься в земле; вместо того чтобы в искусных начертаниях гороскопа искать приметы будущего, ты сбиваешь масло и квасишь капусту для презренных земных надобностей, хотя и сам я не люблю обходиться без этой снеди. Скажи: разве может все это надолго полюбиться тонкому, чувствительному, философическому, стихийному духу? Ибо - о Анна! - благодаря тебе процветает

Дапсульхейм, и от этого земного призвания никак не может отрешиться твой дух. И все-таки этот перстень, даже причинив тебе внезапную резкую боль, наполнил тебя радостным и безрассудным весельем. Ради твоего благополучия я вознамерился отнять силу у перстня с помощью проделанной мною операции и тем освободить от гнома, который преследует тебя. Это не удалось из-за коварной проделки маленького студента, притаившегося в ореховой скорлупе. Однако же я как никогда исполнен решимости побороть стихийного духа! Ты - дитя мое, правда, рожденное не от сильфиды, саламандры или иного стихийного духа, но от бедной деревенской девушки из лучшей семьи, которой соседи, не боясь бога, по причине ее идилического нрава дали в насмешку прозвище «козлиная барышня», ибо она изо дня в день пасла на зеленом холме маленькое стадо белых, нарядных коз, а я, влюбленный дуралей, в ту пору играл на свирели в своей башне. Но ты все-таки моя дочь, моя кровь! Я спасу тебя: вот этот мистический напильник освободит тебя от погибельного перстня!

[* Каббала - религиозно-мистическое учение, созданное еврейскими церковнослужителями (раввинами) в средние века.]

[** Сильфиды - духи воздуха.]

[*** Ундины - духи воды в средневековых поверьях германских народов.]

[*4 Князь Мирандола Пико делла (1463 - 1494) - итальянский философ.]

[*5 Зороастр - греческое имя Зоротуштры (Зоротустры) (VII - VI вв. до н. э.), легендарного пророка и реформатора древнеиранской религии, составителя священной книги иранских народов - древней Авесты.]

[*6 Мерлин - волшебник и прорицатель в староанглийских народных сказаниях и рыцарских романах.]

[*7 Парацельз (1493 - 1541) - швейцарский алхимик и лекарь.]

[*8 Кассиодор Рем (ум. в 1594 г.) - испанский протестант, изгнанный из родной страны за свои убеждения.]

Сказав это, господин Дапсуль фон Цабельтау взял крохотный напильник и принялся подпиливать перстень. Но едва он провел несколько раз по перстню, как фрейлейн Аннхен громко вскрикнула от боли.

- Папаша, папаша, да ведь вы мне отпилите палец! - кричала она, и впрямь из-под перстня потекла густая темная кровь.

Тут господин Дапсуль, выпустив из рук напильник, почти без памяти упал в кресло и завопил в полном отчаянии:

- О-о-о! Я погиб безвозвратно. Разгневанный гном, может быть, без промедления явится сюда и перегрызет мне горло, если только сильфида не спасет меня. О Анна, Анна! Уходи! Беги!

Фрейлейн Аннхен, которой уже давно хотелось быть подальше от диковинных речей папаша, сбежала вниз с быстротою ветра.

Глава третья, в которой сообщается о прибытии в Дапсульхейм некоего примечательного человека и о том, что произошло в дальнейшем

Обливаясь слезами, господин Дапсуль фон Цабельтау обнял дочь и собрался подняться на башню, где он в беспрестанном страхе все время ожидал посещения разгневанного гнома. Вдруг послышались громкие, веселые звуки рога, и на двор прискакал маленький всадник, довольно

странный и потешный с виду. Буланый конь был совсем не велик ростом, но весьма строен, вот почему и малыш, несмотря на свою уродливо раздутую голову, вовсе не казался карликом и достаточно возвышался над головой лошади. Это следовало приписать только его длинному туловищу, ибо ножки, свисавшие с седла, были едва приметны, так что не шли в счет. Впрочем, малыш был в прекрасном платье золотистого атласа, такого же цвета высокой шапке с большим зеленым, как трава, султаном и в отлично налакированных ботфортах красного дерева. С пронзительным «прррррр!» всадник остановился подле господина фон Цабельтау. Казалось, он собирался спешиться, но вдруг мгновенно нырнул под брюхо коня и, вынырнув с противоположной стороны, подпрыгнул два-три раза кряду на двенадцать локтей вверх, перекувырнувшись на каждом локте по шести раз, покамест не встал головою па седельную шишку. В такой позиции галопировал он, носился взад и вперед, сворачивал в сторону, делал всевозможные диковинные вольты и повороты, меж тем как ножки его отбивали в воздухе трохеи, пиррихии, дактили[*] и так далее. Когда, наконец, искусный гимнаст и ловкий наездник остановился и отвесил вежливый поклон, на земле прочитали следующую надпись: «Сердечный привет вам, высокоуважаемый господин Дапсуль фон Цабельтау, равно как и госпоже вашей дочери». Гарцуя на лошади, он выездил эти слова изящной латинской прописью. Затем малыш спрыгнул с коня, три раза прошелся колесом и объявил, что ему поручено засвидетельствовать почтение господину Дапсулю фон Цабельтау от имени его милостивого господина барона Порфирио фон Океродастес, названного Кордуанспиц, и ежели господину Дапсулю фон Цабельтау будет угодно, то господин барон будет рад на несколько дней завернуть к нему, ибо надеется, что в скором времени они станут ближайшими соседями.

[* Трохеи, пиррихии, дактили - стихотворные размеры.]

Господин Дапсуль фон Цабельтау был ни жив ни мертв. Бледный и оцепенелый, стоял он, прижавшись к дочери. Едва только его дрожащие уста медленно пролепетали: «Меня... весьма... обрадует...» - как маленький всадник, соблюдая те же церемонии, с какими прибыл, скрылся с быстротою молнии.

- Ах, дочь моя, - завопил, всхлипывая, господин Дапсуль фон Цабельтау, - ах, дочь моя, бедная, злосчастная дочь, теперь уж нет сомнения - это гном, что задумал похитить тебя и свернуть мне шею! Но мы употребим против него все наше мужество, каким еще обладаем! Быть может, еще удастся умилостивить разгневанного стихийного духа, нам только надобно будет как можно деликатнее обходиться с ним. Дорогое дитя, я сейчас прочитаю тебе несколько глав из Лактанция[*] или Фомы Аквинского[**] об обхождении со стихийными духами, чтобы ты не попала впросак.

[* Лактанций - церковный писатель IV в.]

[** Фома Аквинский - философ-схоластик XIII в.]

Но прежде чем господин Дапсуль фон Цабельтау успел достать Лактанция, Фому Аквинского или другого какого-нибудь демонологического Книгге[*], вблизи послышалась музыка, которую, пожалуй, можно было сравнить с той, какой мало-мальски музыкальные дети увеселяют себя на святках. По дороге растянулся длинный блестящий поезд. Впереди на маленьких буланых лошадаках скакали всадники - было их шестьдесят, а то и семьдесят, - все, как один, одетые подобно первому послу в Дапсульхейм - в таком же желтом платье, остроконечных шапках и лакированных ботфортах красного дерева. За ними следовала запряженная восьмеркой буланых лошадей карета из чистейшего хрусталя, а за нею около сорока других менее великолепных, заложенных то шестеркой, то четверкой лошадей. Множество пажей, скороходов и других слуг в блестящих ливреях сновали кругом, так что все являло зрелище столь же веселое, сколь и причудливое. Господин Дапсуль фон Цабельтау погрузился в унылое изумление. Фрейлейн Аннхен, до сих пор и не подозревавшая о том, что на земле существуют такие милые, прелестные существа,

как эти лошадки и человечки, была вне себя от радости и позабыла обо всем, даже позабыла закрыть рот, который широко раскрыла, испустив радостное восклицание.

[* Демонологический Книгге. Книгге Адольф (1752 - 1796) - немецкий писатель, автор популярной в XVIII - XIX вв. книги «Обхождение с людьми». Гофман сравнивает Книгге, обучавшего правилам обхождения с людьми, с философами-мистиками, в чьих трудах искали руководство к общению с духами, демонами и т. п.]

Заложённая восьмеркой карета остановилась подле господина Дапсуля фон Цабельтау. Всадники соскочили с лошадей, тотчас подоспели пажи и слуги, отворили дверцу кареты, и тот, кого прислужники вынесли на руках, был сам господин барон Порфирио фон Океродастес, по прозванию Кордуаншпиц. Что касается статности, то господина барона уж никак нельзя было сравнить ни с Аполлоном Бельведерским[*], ни даже с Умиравшим гладиатором[**]. Помимо того что в нем не было трех полных футов, одна треть его тела досталась непомерно большой и раздутой голове, которую надлежащим образом украшал отменно длинный, изогнутый нос, равно как и большие, выпученные, круглые, как плоски, глаза. Туловище также было слишком длинным, а потому на долю ножек пришлось всего лишь четыре дюйма. Но эти четыре дюйма были употреблены с пользой, ибо ножки барона сами по себе были столь изящны, как только можно вообразить. Правда, с виду они казались слишком слабыми, чтобы выдержать тяжесть достойной головы; у барона была нетвердая походка, порой он летел кубарем, но тотчас же вставал на ноги, словно ванька-встанька, так что кувыркания эти скорее напоминали очаровательные коленца какого-нибудь танца. Барон носил узкое, плотно облегающее стан платье из блестящей золотой парчи, на нем была шапочка, похожая на корону, с невероятным султаном из травянисто-зеленых перьев. Едва став на ноги, барон бросился к господину Дапсулю фон Цабельтау, схватил его за руки, вскарабкался до самой шеи, повис на ней и закричал голосом более зычным, чем можно было предположить, глядя на его хрупкое телосложение:

- О мой Дапсуль фон Цабельтау, мой дорогой, горячо любимый отец! - Затем барон с той же ловкостью и проворством соскочил с шеи господина Дапсуля фон Цабельтау, прыгнул или, вернее, ринулся к фрейлейн Аннхен, схватил ее за руку, на которой был перстень, и, громко причмокивая, покрыл ее поцелуями и так же зычно крикнул: - О прекраснейшая девица, Анна фон Цабельтау, возлюбленная невеста моя!

[* Аполлон Бельведерский - статуя древнегреческого скульптора Леохара (середина IV в. до н. э.). Аполлон - в древнегреческой мифологии сын верховного божества Зевса, покровитель искусств, бог-целитель и прорицатель. Изображался прекрасным юношей с луком или музыкальным инструментом - кифарой.]

[** Умиравший гладиатор - античная статуя III в. до н. э. (автор неизвестен).]

Тут барон ударил в ладоши, и тотчас загремела пронзительная, шумная детская музыка, и более сотни крохотных господ, вышедших из карет и соскочивших с лошадей, прошлись колесом, потом стали на ноги, отбивая, как тот первый гонец, затейливые трохеи, спондеи, ямбы, пиррихии, анапесты, трибрахии, бакхии, антибакхии, хориямбы и дактили, так что любо было смотреть. Во время этой потехи фрейлейн Аннхен, оправившись от чрезвычайного испуга, вызванного приветствием маленького барона, погрузилась во всякого рода хозяйственные размышления, имевшие вполне достаточное основание. «Как бы, - думала она, - разместить весь этот народец в нашем маленьком доме? Даже если я по крайности отведу большой сарай для прислуги, то хватит ли и там места? А куда девать благородных господ, которые прибыли в каретах и, верно, привыкли спать в прекрасных покоях, на мягком ложе? Ежели даже я выведу из конюшни обеих рабочих лошадей и буду так безжалостна, что выгоню на пастбище старого хромого Рыжика, то куда поставить всех этих маленьких лошадок, которых нагнал сюда уродливый барон? А тут еще сорок одна карета! Вот еще беда несносная! Ах, боже ты мой! Да хватит ли всего годового запаса, чтобы

прокормить эту ораву малышей хотя бы два дня?» Последняя забота была самой страшной, фрейлейн Аннхен уже видела, как все съедено; свежие овощи, стадо овец, птица, солонина, даже свекольная водка и та выпита; так что у Аннхен навернулись на глаза слезы. Ей показалось, что барон Кордуаншпиц соорудил ей наглуую, злорадную рожу, и это придало ей мужества, в то время как люди расплясались вовсю, сухо пояснить барону, что, как ни отрадно его посещение ее отцу, все же нельзя и думать о том, чтобы пробыть в Дапсульхейме более двух часов, ибо здесь нет ни места, ни всего того, что потребно для приема и надлежащего угощения столь знатного и богатого господина и его многочисленной свиты. Но вдруг маленький Кордуаншпиц принял вид столь сладостный и нежный, словно марципановый пряник; закрыв глаза, он прижал к устам довольно шероховатую и не особенно белоснежную руку фрейлейн Аннхен и стал уверять, что у него и в мыслях не было причинить хоть малейшее неудобство милому папаше и прелестной дочери. Он взял с собою все необходимое для кухни и погреба, что же касается жилища, то он просит только отвести ему клочок земли под открытым небом, там его люди разобьют обычный походный шатер, где он и поместится со всей своей челядью и даже со всеми лошадьми.

Слова барона Порфирио фон Океродастес так пришлись по душе фрейлейн Аннхен, что она, желая показать, что ей не жаль расстаться со своими лакомствами, решила угостить малыша пышками, уцелевшими от храмового праздника, и стаканчиком свекольной водки, ежели он не предпочтет полынную, которую старшая служанка привезла из города и рекомендовала как укрепляющее желудок средство. Но тут Кордуаншпиц добавил, что местом для разбивки дворца он избрал огород, и радости Аннхен пришел конец! Меж тем как слуги барона, справляя прибытие своего господина в Дапсульхейм, продолжали олимпийские игры и то, ударяясь с разбега головой в острое брюхо, кувыркались друг через друга, то делали различные прыжки, то играли в кегли, причем сами изображали шары, кегли, игроков, и т. д., маленький барон Порфирио фон Океродастес и господин Дапсульт фон Цабельтау углубились в беседу, которая, по-видимому, становилась все серьезнее, пока рука об руку не удалились на астрономическую башню.

Фрейлейн Аннхен, объятая страхом и трепетом, поспешила на огород, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Старшая служанка уже стояла там, недвижима, с разинутым ртом и остановившимся взором, словно обращенная в соляной столп жена Лота[*]. Фрейлейн Аннхен также остолбенела. Наконец обе разом закричали так, что разнеслось далеко вокруг:

- Ах, господи Иисусе, вот беда-то!

[* «...Словно обращенная в соляной столп жена Лота». - Согласно библейской мифологии, Бог, разрушая грешный город Содом, решил пощадить лишь семью Лота - племянника Авраама, прародителя многих племен и народов. Убегая с мужем и дочерьми из дома, жена Лота нарушила запрет Бога и оглянулась на горящий город, за что Бог превратил ее в соляной столп.]

Они нашли цветущий огород превращенным в пустыню. Уже не зеленела там ботва, не цвела капуста: то был заброшенный пустырь.

- Нет, - вскричала разъяренная служанка, - это уж, наверное, наделали проклятые маленькие твари, которые только что объявились. Они приехали в каретах? Должно быть, разыгрывают знатных господ? Ха-ха! Это кобольды[*], поверьте мне фрейлейн Аннхен, не иначе как некрещеное ведьмовское отродье, и будь у меня с собою разрыв-трава, то вы бы нагляделись чудес! Пусть только пожалуют маленькие бестии, я перебью их вот этим заступом! - Тут старшая служанка принялась размахивать над головой грозным орудием, а фрейлейн Аннхен громко плакала.

[* Кобольды - в германской мифологии духи домашнего очага, иногда горные духи.]

Меж тем, отвечивая вежливые поклоны и расточая умильные и любезные мины, приблизились к ним четыре кавалера из свиты Кордуаншпица; они выглядели столь необычайно, что служанка, вместо того чтоб тотчас пустить в ход заступ, медленно выпустила его из рук, а фрейлейн Аннхен

перестала плакать.

Кавалеры представились ближайшими друзьями господина барона Порфирио фон Океродастес, прозванного Кордуаншпиц, и, как по крайней мере символически означало их платье, принадлежали к четырем различным нациям - они называли себя: пан Капустович из Польши, герр фон Шварцреттих из Померании, синьор ди Броколи из Италии, мосье де Рокамболь из Франции. В весьма благозвучных выражениях они заверили, что тотчас придут рабочие и к величайшему удовольствию прекраснейшей фрейлейн с возможной скоростью поставят в ее присутствии красивейший дворец из чистого шелка.

- Что мне дворец из шелка! - вскричала, громко заплакав, в глубочайшей скорби фрейлейн Аннхен. - Какое мне вообще дело до вашего барона Кордуаншпица, когда вы, недобрые люди, лишили меня превосходных овощей и отняли всю мою радость!

Но вежливые господа утешали фрейлейн Аннхен и уверяли ее, что они совсем неповинны в опустошении огорода и что он, напротив того, вскоре опять разрастется, зацветет и зазеленеет так, каким фрейлейн Аннхен, да и вообще никто в целом свете, еще никогда его не видывал.

Маленькие строители в самом деле явились, и на огороде поднялась такая бешеная суета и кутерьма, что фрейлейн Аннхен вместе со служанкой в испуге бросились за кусты, где остановились посмотреть, что последует дальше.

В несколько минут, совершенно непостижимым для них образом, вырос на их глазах высокий великолепный шатер из золотистой ткани, убранный пестрыми венками и перьями; он покрыл собою всю усадьбу, занятую большим огородом, так что веревки его протянулись через всю деревню до ближнего леса, где были прикреплены к стволам старых деревьев.

Едва успели разбить шатер, как барон, Порфирио фон Океродастес и господин Дапсуль фон Цабельтау сошли вниз с астрономической башни. После долгих объятий барон сел в карету, заложенную восьмеркой лошадей, и в том же порядке, как прибыл в Дапсульхейм, въехал вместе со своей свитой в шелковый дворец; ворота его, приняв последнего человека, тотчас захлопнулись. Никогда еще фрейлейн Аннхен не видывала папашу таким. На лице его не осталось и малейшего следа печали, которая раньше не покидала его; казалось, он улыбался, и во взоре его поистине было какое-то просветление, что обыкновенно говорит о большом счастье, неожиданно выпавшем человеку. Господин Дапсуль фон Цабельтау молча взял фрейлейн Аннхен за руку, ввел ее в дом, обнял три раза и наконец воскликнул:

- Счастливая Анна! Счастливейшее дитя! Счастливый отец! О дочь моя, все заботы, все скорби, все печали теперь миновали! Тебе выпал жребий, который не так легко достается в удел смертным. Знай, барон Порфирио фон Океродастес, прозванный Кордуаншпиц, вовсе не враждебный гном, хотя и происходит от подобного стихийного духа, которому, однако, удалось очистить свою высшую природу учением саламандра Оромазиса. Но из очистительного огня возникла любовь к смертной женщине, с которой он сошелся и стал родоначальником знатнейшей семьи, чье имя когда-либо украшало пергамент. Я полагаю, что уже поведал тебе, любезная дочь моя Анна, что ученик великого саламандра Оромазиса, благородный гном Тсильменех - это халдейское[*] имя, которое на чистом немецком языке примерно означает дуралей, - влюбился в знаменитую Магдалену де ла Круа, аббатису испанского монастыря в Кордове, и безмятежно прожил с нею в счастливом супружестве добрых тридцать лет. Потомок благородной фамилии высших существ, ведущих свой род от этого брака, как раз милейший барон Порфирио фон Океродастес, принявший фамилию Кордуаншпиц для обозначения своего происхождения из Кордовы в Испании, а также для того, чтобы не смешивали его с более гордой, но, по существу, менее знатной побочной линией по прозвищу Сафьян. То обстоятельство, что к слову «Кордуан» добавлено окончание «шпиц», имеет свои особые стихийно-астрологические причины, но я еще не размышлял о том. Следуя примеру

своего великого предка, гнома Тсильменеха, полюбившего Магдалену де ла Круа уже на двенадцатом году ее жизни, великолепный Океродастес почтил тебя своей любовью, когда тебе минуло двенадцать лет. Он был так счастлив, когда получил от тебя крохотное золотое колечко, а теперь и ты надела его перстень, так что неминуемо стала его невестою.

[* Халдеи - семитические племена, жившие в первой половине 1-го тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии.]

- Как? - в испуге и смущении воскликнула фрейлейн Аннхен. - Как? Его невестой? Мне выйти замуж за отвратительного маленького кобольда? Да разве я не с давних пер невеста господина Амандуса фон Небель-Штерна? Нет - во веки вечные не станет моим мужем этот мерзостный чародей, будь он тысячу раз из Кордуана или Сафьяна.

- Теперь, - возразил господин Дапсуль фон Цабельтау, став строже, - теперь, к прискорбию моему, я вижу, как мало небесная мудрость просветила твой косный земной разум. Мерзостным, отвратительным называешь ты благородного стихийного Порфирио фон Океродастес, может быть, потому, что в нем всего три фута росту и он ничем не может похвалиться, кроме головы, - ни руками, ни ногами, ни всем прочим, тогда как у всякого земного пустозвона, какого бы ты желала видеть, торчат из-под сюртука длинные ноги? О дочь моя, безбожно ты заблуждаешься! Вся красота заключена в мудрости, вся мудрость - в мысли, а физический символ мысли - голова! Чем больше голова, тем больше красоты и мудрости, и если бы человек мог избавиться от прочих членов, как от вредной роскоши, приносящей ему зло, то он достиг бы высшего идеала. Откуда происходят все тягости, все беды, все раздоры, вся вражда, вся погибель земная, как не от проклятого изобилия членов? О, какой мир, какое спокойствие, какое благоденствие наступили бы на земле, если бы люди могли существовать без живота, зада, рук и ног! Если бы они состояли из одного бюста! Счастливая мысль осенила художников - они изображают прославленных государственных мужей и великих ученых в виде бюстов, что символически означает их высшую природу, которая дарована им по их должности или по сочиненным книгам! Итак, дочь моя Анна, ни слова о мерзости или отвратительности, никакой хулы на благороднейшего из духов, великолепного Порфирио фон Океродастес, чьей невестой ты должна быть и будешь! Знай, через него и твой отец в скором времени достигнет высшего счастья, к которому он так долго стремился. Порфирио фон Океродастес знает, что я любим сильфидою Нехахила (что по-сирийски значит - остроносая), и он хочет всеми силами способствовать мне, чтобы я стал вполне достойным сочетаться с этим высшим духовным существом. Ты, милое дитя, останешься довольна своей будущей мачехой. Пусть благосклонная судьба устроит так, чтобы наши свадьбы были сыграны в один и тот же счастливый час! - С этими словами господин Дапсуль фон Цабельтау, бросив многозначительный взгляд на дочь, патетически удалился.

У фрейлейн Аннхен сжалось сердце, когда она вспомнила, что давно, когда она была еще ребенком, у нее непостижимым образом действительно исчезло с пальца золотое колечко. Теперь она была уверена, что маленький отвратительный чародей в самом деле завлек ее в свои сети и ей едва ли удастся спастись, и посему она впала в чрезвычайную печаль. Фрейлейн Аннхен захотелось облегчить стесненное сердце, и это удалось ей с помощью гусяного пера; схватив его, она одним духом написала господину Амандусу фон Небельштерну следующее письмо:

«Мой бесценный Амандус!

Все пропало, я самая несчастная на всем белом свете и рыдаю и плачу от нестерпимого горя так, что даже моя добрая скотина полна ко мне сострадания и жалости. А ты растрогаешься и того больше! Беда постигла не только меня, но и тебя, так что и ты тоже будешь весьма огорчен. Ты ведь знаешь, что мы сердечно любим друг друга, как только могут любить влюбленные, и что я твоя невеста, и что папаша собирался проводить нас к венцу? И вот! Нежданно-негаданно приезжает скарредный желтый человечек в карете, заложенной восьмеркой лошадей, со

множеством других господ и слуг и уверяет, что я обменялась с ним перстнями и, стало быть, он - мой жених, а я - его невеста! Подумай только, какой ужас! Папаша тоже говорит, что я должна выйти замуж за этого уродца, ибо он происходит из весьма знатной семьи. Пожалуй, это верно, ежели судить по свите и блестящим нарядам, какие они носят, но у него такое поганое имя, что по одному этому я никогда не стала бы его женою. Я даже не могу выговорить такое нехристианское имя. Впрочем, его называют также Кордуаншпицем, и это как раз его фамилия. Отпиши мне, правда ли Кордуаншпицы так знатны и сиятельны, - в городе, верно, про то знают. Мне невдомек, что это на старости лет взбрело в голову папаше, он тоже задумал жениться, и мерзкий Кордуаншпиц выискал ему женушку, которая носится по воздуху. Боже, защити нас! Старшая служанка пожимает плечами и говорит, что она не больно важного мнения о подобных хозяйках, которые летают по воздуху и плавают в волнах, и она тотчас возьмет расчет, а мне пожелает, чтобы милая мачеха при первом полете в Вальпургиеву ночь[*] сломала бы себе шею. Вот так дела! Но на тебя вся моя надежда! Ведь я знаю, что ты тот, кто обязан и должен спасти меня от великой опасности. Опасность наступила, приди, спеши, спаси свою до смерти опечаленную, по верную невесту

Анну фон Цабельтау.

P. S. Не можешь ли ты вызвать на дуэль маленького желтого Кордуаншпица? Ты, конечно, победишь, потому что он плохо держится на ногах.

P. S. Еще раз прошу тебя: соберись в путь не мешкая и поспеши к своей, как тебе теперь известно, злосчастной, но верной невесте

Анне фон Цабельтау».

[* Вальпургиева ночь. - Согласно германским средневековым поверьям, каждый год в ночь с 30 апреля на 1 мая (в этот день католики чтят память святой Вальпургии) на самую высокую гору Гарпа слетаются на метлах и вилах ведьмы, которые вместе с сатаной. и другой нечистью устраивают пляски и оргии, чтобы помешать благополучному течению весны, наслать порчу на людей и скот.]

Глава четвертая, в которой описывается двор некоего могучего короля, а затем повествуется о кровавом поединке и об иных небывалых приключениях

Фрейлейн Аннхен чувствовала себя совсем разбитой от нестерпимого горя. Скрестив руки, сидела она у окна и неподвижно смотрела на двор, не замечая кудахтанья, кукареканья, гоготания и писка домашней птицы, которая с наступлением сумерек ожидала, что хозяйка, как всегда, загонит их на покой. Она с величайшим равнодушием позволила служанке одной управиться со всем и даже попотчевать увесистой плеткой петуха, который бесчинствовал и пытался восстать против наместницы. Собственные горести, терзавшие ее грудь, заглушили всякое участие к любезному питомцу, воспитанию которого она посвятила много сладостных часов своей жизни, не заглядывая ни в Честерфильда[*], ни в Книжке и даже не обращаясь за советом к госпоже Жанлис[**] или иным сведущим в психологии дамам, которым доподлинно известно, как наставить на путь истинный молодые умы. Это, пожалуй, можно отнести за счет ее легкомыслия.

[* Честерфильд Филип Дормер Стенхоп (1694 - 1773) - английский писатель. Его «Письма к сыну», изданные в 1774 году, представляют собой свод норм поведения и педагогических идей.]

[** Госпожа Жанлис. Жанлис Мадлен Фелисите (1746 - 1830) - французская писательница, автор трехтомного педагогического романа «Адель и Теодор, или Письма о воспитании», «Вчера в замке, или Уроки морали применительно к детскому возрасту» и др.]

Кордуаншпиц не являлся весь день. Он пробыл все время на башне господина Дапсуля фон Цабельтау, где, наверное, производились важные операции. Но теперь фрейлейн Аннхен вдруг

заметила малыша, ковылявшего по двору, освещенному алыми лучами заходящего солнца. В ярко-желтом платье он казался ей несноснее, чем когда-либо, а его уморительная походка вприпрыжку - так что казалось, он вот-вот упадет, - походка, которая всякого рассмешила бы до слез, только сильнее растревляла ее злость. Наконец она закрыла лицо руками, чтобы не видеть больше этого гнусного пугала. Вдруг она почувствовала, что кто-то дергает ее за передник.

- Пошел, Фельдман! - крикнула она, решив, что то собака.

Но это была не собака, вовсе нет. Отняв руки от лица, фрейлейн Аннхен увидела господина барона Порфирио фон Океродастес, который с беспримерной ловкостью вскочил к ней на колени и вцепился в нее обеими руками. Фрейлейн Аннхен громко вскрикнула от испуга и отвращения и вскочила со стула. Но Кордуаншпиц повис у нее на шее и вмиг сделался таким неимоверно тяжелым, с добрым в двадцать центнеров весом, и тем принудил бедняжку Аннхен снова упасть на стул. Тотчас Кордуаншпиц соскользнул с ее колен и со всей учтивостью и ловкостью, какая только возможна при недостатке равновесия, опустился на крохотное правое колено и звонким, не совсем обычным, но не столь уж противным голосом сказал:

- Обожаемая госпожа Анна фон Цабельтау, несравненная дама, избранная моя невеста, только не гневайтесь, прошу, умоляю вас, только не гневайтесь, не гневайтесь! Я знаю - вы думаете, мои люди опустошили ваш прекрасный огород, чтобы построить для меня дворец. О всемогущая сила! Когда б могли вы заглянуть в мое маленькое, ничтожное тело и узреть, как бьется мое сердце, исполненное чистой любви и благородства! Когда б открылись вам хотя бы главнейшие добродетели, что таятся в моей груди под желтым атласом! О, как далек я от той постыдной жестокости, что вы приписываете мне} Да статочное ли дело, чтобы милостивый князь своих же собственных поддан... Но полно! Полно! К чему слова и уговоры! Вы сами должны увидеть, о невеста моя, сами увидеть то великолепие, что ожидает вас! Последуйте за мною, да, последуйте за мною без промедления, я отведу вас в свой дворец, где ликующий народ ожидает обожаемую невесту своего повелителя!

Можно себе представить, как ужаснуло фрейлейн Аннхен предложение Кордуаншпица, как она противилась ступить хоть шаг вслед за этим опасным страшилищем. Но Кордуаншпиц не устал описывать необычайные красоты и беспредельные богатства огорода, который, собственно, и является его дворцом, так что наконец она решилась хотя бы одним глазком заглянуть в шатер, что ведь никак не могло повредить ей. От радости и восторга малыш прошелся колесом по меньшей мере двенадцать раз, а затем изысканно взял фрейлейн Анну за руку и провел через сад к шелковому дворцу.

С громким «ах!» как вкопанная стала фрейлейн Аннхен, когда взвился занавес у входа и взорам ее представился необозримый огород в такой великолепии, какого она не видывала и в самых прекрасных грезах о пышной капусте и прочих овощах. Там в искрящемся свете зеленело и цвело все, что зовется овощами и капустой, репой и салатом, горохом и бобами, с такой пышностью, что и сказать нельзя. Флейты, барабаны и цимбалы загремели еще громче, и четыре учтивых кавалера, с которыми фрейлейн Аннхен познакомилась еще раньше, а именно: господин фон Шварцреттих, мосье де Рокамболь, синьор ди Броколи и пан Капустович, приблизились, отвешивая низкие церемонные поклоны.

- Мои камергеры[*], - улыбаясь, представил их Порфирио фон Океродастес и, следуя за названными камергерами, которые пошли вперед, провел фрейлейн Аннхен сквозь ряды красной английской морковной гвардии на середину огорода, где возвышался пышный трон.

[* Камергер - придворное звание старшего ранга.]

Вокруг трона собрались вельможи: салатные принцы с бобовыми принцессами, огуречные герцоги во главе с принцем дынь, министр кочанной капусты, генералы от лука и репы, фрейлины кудрявой

капусты и другие - все в блестящих одеждах, сообразно рангу и чину. Между ними сновало до сотни прелестных лавандовых и укропных пажей, разносивших сладостный аромат. Когда Океродастес и фрейлейн Аннхен взошли на трон, обер-гофмаршал[*] Турнепс взмахнул длинным жезлом, и тотчас смолкла музыка, и все благоговейно затихли. Тут Океродастес возвысил голос и весьма торжественно изрек:

[* Обер-гофмаршал - главный придворный, ведающий дворцовым хозяйством, устройством балов и приемов.]

- Любезные верноподданные! Здесь подло меня зрите вы благородную фрейлейн Анну фон Цабельтау, которую избрал я себе в супруги. Преисполненная красоты и добродетели, давно взирала она на вас любящими глазами матери, уготовляла вам мягкое, тучное ложе, холила и лелеяла вас. Она и впредь будет верной и достойной вашей государыней-матерью. Изъявите же почтительное одобрение, приличествующее сему ликованию по случаю милости, кою ныне склонен я все милостивейше оказать вам!

После второго знака, поданного обер-гофмаршалом Турнепсом, раздалось тысячеголосое ликование; луковичная артиллерия дала залп, и музыканты морковной гвардии заиграли общеизвестный гимн: «Салат, салат, зеленая петрушка!» То был великий, возвышенный момент. У знатных вельмож, преимущественно же у фрейлин кудрявой капусты, выступили на глазах слезы блаженства. Фрейлейн Аннхен, заметив сверкающую алмазами корону на голове и золотой скипетр в руках малыша, едва не лишилась чувств.

- Ах, - воскликнула она, всплеснув руками от изумления, - господи Иисусе! Наверное, вы гораздо важнее, чем кажетесь, милый господин Кордуаншпиц?

- Обожаемая Анна, - возразил очень мягко Океродастес, - звезды заставили меня предстать перед вашим отцом под чужим именем. Узнайте, прекрасное дитя, что я один из могущественнейших королей и владею страной, границы которой скрыты ото всех, ибо их забыли означить на карте. Король овощей Даукус Карота Первый предлагает вам, о сладчайшая Анна, свою руку и корону. Все

князя овощей - мои вассалы, и только единственный день в году, следуя древнему обычаю, правит король бобов.

- Значит, - радостно воскликнула фрейлейн Анна, - значит, я стану королевой и получу во владение этот замечательный, прекрасный огород?

Король Даукус Карота еще раз подтвердил, что это на самом деле так, и добавил, что ему и ей будут подвластны все овощи, какие только произрастают на земле. Конечно, фрейлейн Аннхен не ожидала этого, она нашла, что в тот миг, когда маленький Кордуаншпиц превратился в короля Даукуса Кароту Первого, он перестал быть таким уродливым, как прежде, и что корона и скипетр, равно как и королевская мантия, его необычайно украсили. К тому же его учтивые манеры и те богатства, какие принесет с собой этот брак, должны были убедить фрейлейн Аннхен, что ни одна деревенская девица не сумела бы составить себе лучшую партию, нежели она, которая в мгновение ока стала королевской невестой. Фрейлейн Аннхен была чрезвычайно довольна и спросила венценосного жениха, нельзя ли ей сразу остаться в прекрасном замке, а назавтра сыграть свадьбу. Тут король Даукус ответил, что, хотя нетерпение обожаемой невесты и приводит его в безмерный восторг, он все-таки принужден не торопиться со своим счастьем, ибо ему сейчас не благоприятствует положение созвездий. И господин Дапсуль фон Цабельтау пока ни под каким видом не должен знать о королевском достоинстве своего зятя. В противном случае могут расстроиться условленные операции, коим надлежит вызвать желанный брак его с сальфидою Нехахила. К тому же он обещал господину Дапсулю фон Цабельтау, что оба брака будут отпразднованы в один и тот же день. Фрейлейн Аннхен пришлось торжественно поклясться, что она ни единым словом не обмолвится господину Дапсулю фон Цабельтау о том, что произошло с нею, после чего она оставила шелковый дворец, провожаемая шумным ликованием народа, упоенного ее красотой, ее снисходительностью и благосклонностью.

Во сне она еще раз увидела страну очаровательного короля Даукуса Кароты и утопала в неизъяснимом блаженстве.

Письмо, которое она послала господину Амандусу фон Небельштерну, произвело на беднягу ужасное действие. В скором времени фрейлейн Аннхен получила следующий ответ:

«Кумир моего сердца, небесная Анна!

Кинжалами - острыми, раскаленными, отравленными, смертоносными кинжалами были для меня слова твоего письма, пронзившие мне грудь. О Анна! Тебя хотят отнять у меня? Какое безумие! Я еще никак не могу постичь, отчего я тотчас же не лишился разума и не учинил ужасного, отчаянного буйства! Но, ожесточенный убийственным роком, я сокрылся от людей и тотчас после обеда не пошел играть на бильярде, а бежал в лес, где, ломая руки, несчетное число раз призывал твое имя! Пошел сильный дождь, а я как раз надел новую шапочку красного бархата с великолепной золотой кисточкой. Говорят, ни одна шапочка не шла мне так, как эта. Дождь мог испортить это дивное произведение хорошего вкуса, но какое дело любовному отчаянию до шапочек, бархата и золота! Я блуждал по лесу до тех пор, покуда, весь вымокший и прозябший, не почувствовал ужасающих колик в животе. Это загнало меня в близлежащий трактир, где я велел сварить отменный пунш и закурил трубку твоего божественного виргинского табаку. Вскоре на меня снизошло божественное вдохновение, я выхватил из кармана альбом и мигом набросал с десяток превосходных стихов, - о дивный дар поэзии! - исчезло и то и другое: и любовное отчаяние, и колики в животе. Только последнее из этих стихотворений я посылаю тебе, чтобы и ты, краса дев, преисполнилась, как и я, радостной надеждой!

Корчусь я от боли,

Нет уж страсти боле,

Той, что жгла дотоле,
 Грустно поневоле!
 Но, наитьем духа,
 Рифму ловит ухо,
 Стих - за словом слово -
 И я весел снова.

Страсть, что жгла дотоле,
 Вспыхнула на воле,
 Все исчезли боли,
 Не грущу я боле.

Да, сладчайшая Анна! Скоро явлюсь я рыцарем-избавителем и вырву тебя из рук злодея, что вознамерился похитить тебя! А чтобы ты тем временем не отчаивалась, я выписал для тебя несколько основных божественных утешительных изречений из моей сокровищницы великого поэта; пусть они укрепят твой дух!x x x

Грудь ширится, дух ввысь взлетает, чуток!
 Будь нежен, тих, но не чуждайся шуток.

* * *

Страсть враждебна часто страсти,
 Срок блюсти - не в нашей власти.

* * *

Любовь - цветение, сплошное бытие.

Мой шубу, юноша, но не мочи ее!

* * *

Ты говоришь, что зимою мороз?

Почему же не греют плащи? - вопрос!

Какие божественные, возвышенные, неистошимые, мудрые правила! И какая простота, беспритязательность и глубина! Итак, еще раз, моя сладчайшая дева! Утешься и храни меня, как прежде, в своем сердце. Скоро придет спасет тебя и прижмет к сердцу, бушующему от любви, твой верный Амандус фон Небельштерн.

P. S. Вызвать на дуэль господина фон Кордуаншпица я никак не могу, ибо, о Анна, каждая капля крови, что может потерять твой Амандус в схватке с дерзким противником, - это ведь кровь поэта, и хор богов, который нельзя проливать. Справедливо требование света, чтобы гении, подобные мне, щадили и всячески берегли себя для него. Меч поэта - слово, песня. Я нападу на своего соперника боевыми песнями Тиртея[*], я сражу его острыми эпиграммами, я сокрушу его дифирамбами, исполненными любовного неистовства, - вот оружие истинного поэта, оружие, которое всегда победоносно ограждает его от всякого нападения. И вот, вооружившись до зубов, я явлюсь, чтобы отвоевать твою руку, о Анна!

[* Тиртей (VII в. до н. э.) - древнегреческий поэт родом из Спарты. Стихи и песни Тиртея не раз поднимали боевой дух воинов-спартанцев.]

Прощай, еще раз прижимаю тебя к сердцу! Уповай на мою любовь, а больше всего - на мое мужество, которое не отступится ни перед какой опасностью, дабы освободить тебя из постыдных сетей, куда тебя, по-видимому, завлек демонический злой дух».

Фрейлейн Аннхен получила письмо в то время, когда играла со своим царственным женихом Даукусом Каротой Первым в салки на лугу за садом и тешилась тем, что приседала на всем бегу, а маленький король перескакивал через нее. Не читая, как бывало прежде, она сунула письмо возлюбленного в карман, и мы увидим, что оно пришло слишком поздно.

Господин Дапсуль фон Цабельтау никак не мог постичь, отчего вдруг так переменялись мысли фрейлейн Аннхен и она полюбила господина Порфирио фон Океродастес, которого прежде находила столь отвратительным. Он вопрошал о том звезды; но их ответ не удовлетворил его, и он решил, что помыслы человека более непостижимы, чем тайна космоса, и не могут быть истолкованы никакими сочетаниями светил. Он не мог согласиться с мыслью, что только высшая природа жениха пробудила любовь у Аннхен, ибо в малыше не было ничего привлекательного. Благосклонный читатель уже знаком с понятием о красоте, какое составил себе господин Дапсуль фон Цабельтау, хотя оно, как небо от земли, далеко от того, какое складывается у девушек, но все-таки у господина Дапсуля фон Цабельтау было довольно житейского опыта, чтобы знать, что помянутые девушки почитают ум, остроумие, душу и чувства лишь добрыми постояльцами в красивом доме, и когда мужчина, которому не к лицу модный фрак, будь то Шекспир, Гете, Тик[*], вздумает подступиться к молоденькой девушке, ему грозит опасность быть выбитым с позиции всяким мало-мальски статным гусарским ротмистром в блестящем мундире. Правда, с фрейлейн Аннхен все произошло совсем иначе - ни о красоте, ни об уме не было и помину; меж тем довольно редко случается, что бедная деревенская девица вдруг становится королевой, а посему господину Дапсулю фон Цабельтау нелегко было догадаться, тем более что звезды не пришли к нему на помощь.

[* Шекспир Уильям (1564 - 1616) - великий английский поэт и драматург.

Гете Иоганн Вольфганг (1749 - 1832) - великий немецкий писатель, один из основоположников немецкой литературы нового времени.

Тик Людвиг (1773 - 1853) - немецкий писатель-романтик.]

Легко себе представить, что все трое - господин Порфирио фон Океродастес, господин Дапсуль фон Цабельтау и фрейлейн Аннхен - зажили душа в душу. Дошло до того, что господин Дапсуль фон Цабельтау чаще, чем когда-либо, покидал башню, чтобы беседовать с любезным зятем о различных приятных предметах и даже завтракать предпочитал теперь внизу, в доме. В это же время выходил из шелкового дворца и господин Порфирио фон Океродастес и позволял фрейлейн Аннхен кормить его хлебом с маслом.

- Ах, ах, - хихикала фрейлейн Аннхен, то и дело наклоняясь к его уху, - ах, ах, когда б отец только знал, что вы на самом деле король, любезный Кордуаншпиц!

- Молчи, душа моя, - отвечал Даукус Карота Первый, - молчи, душа моя, не теряй голову от радости. Близок, близок желанный день!

Однажды деревенский учитель поднес фрейлейн Аннхен несколько пучков замечательной редиски со своего огорода. Фрейлейн Аннхен чрезвычайно этому обрадовалась, ибо господин Дапсуль фон Цабельтау был охотник до редиски, но Аннхен ничего не могла снять со своего огорода, ибо там был раскинут шатер. А кроме того, ей только теперь пришло на мысль, что среди разнообразных овощей и кореньев она не заметила во дворце редиски. Фрейлейн Аннхен поспешила очистить

подаренные редиски и подала их отцу на завтрак. Господин Дапсуль фон Цабельтау уже безжалостно срезал с нескольких штук зелень, обмакнул их в солонку и с наслаждением съел, когда вошел Кордуаншпиц.

- О мой Океродастес, отведайте-ка редиски! - воскликнул, обращаясь к нему, господин Дапсуль фон Цабельтау.

На тарелке еще оставалась одна крупная, прекрасная редиска. Но едва Кордуаншпиц увидел ее, как глаза его засверкали от бешенства, и он закричал ужасным, громовым голосом:

- Как, недостойный герцог, вы осмелились предстать перед моими очами, более того - с наглым бесстыдством проникнуть в дом, охраняемый моей властью? Да разве я не осудил вас на вечное изгнание, когда вы вознамерились оспаривать мои законные права на престол? Прочь, прочь с моих глаз, вероломный вассал!

Внезапно под толстой головой редиса выросли две ножки, он вмиг соскочил с тарелки, прямо стал перед Кордуаншпицем и повел такую речь:

- Жестокий Даукус Карота Первый, о ты, кто тщетно стремишься уничтожить род мой! Разве у кого-нибудь из твоего племени была такая большая голова, как у меня и у моих родичей? Мы одарены разумом, мудростью, прозорливостью, учтивостью, тогда как вы обретаетесь по кухням и конюшням и только в ранней юности чего-то стоите, так что, по правде, лишь *diable de jeunesse* [*] составляет ваше скоропреходящее счастье, тогда как мы пользуемся вниманием высшего общества и нас радостно приветствуют, как только мы покажем наши зеленые макушки. Но я бросаю тебе вызов, Даукус Карота, ты такой же неотесанный грубиян, как и вся твоя порода! Что ж, померимся силами!

[* Обаяние юности (фр.).]

Тут герцог-редиска взмахнул длинным бичом и без дальнейших слов напал на короля Даукуса Кароту Первого. Но тот выхватил небольшую шпагу и защищался с отменной храбростью. Оба малыша схватились и, преследуя друг друга по всей комнате, делали невиданные, безумные прыжки, покамест Даукус Карота не загнал герцога-редиску в угол, и тому не оставалось ничего другого, как отважно выпрыгнуть в открытое окно и обрести спасение в бегстве. Король Даукус Карота, необычайное проворство которого уже знакомо благосклонному читателю, выскочил вслед за герцогом-редиской и погнался за ним по полю. Господин Дапсуль фон Цабельтау в тягостном, безмолвном оцепенении наблюдал этот ужасный поединок. Но вдруг он разразился громким плачем и воплями:

- О дочь моя Анна! О дочь моя, бедная, злосчастная Анна! Пропали - я - ты - мы оба - пропали - пропали!

С этими словами он опрометью бросился из комнаты и с возможной поспешностью взбежал на астрономическую башню.

Фрейлейн Аннхен никак не могла ни понять, ни предположить, что же такое повергло ее отца в такую безграничную печаль? Все это зрелище доставило ей немало удовольствия, и она была рада от души, приметив, что жених ее обладал не только знатностью и богатством, но также и отвагой, ибо на свете не так-то легко сыскать девушку, которая могла бы полюбить труса. И вот теперь, когда она убедилась в храбрости короля Даукуса Кароты Первого, ее весьма задело, что господин Амандус фон Небельштерн не пожелал с ним драться.

Ежели до того она колебалась, пожертвовать ли ей господином Амандусом ради короля Даукуса Кароты Первого, то теперь она решилась на это, ибо перед ней открылась все великолепие нового союза. Она тотчас села и написала следующее письмо:

«Любезный Амандус!

Все на свете меняется, все преходяще, говорит господин школьный учитель, и он совершенно прав. И ты, любезный Амандус, сам мудрый ученый студент, не можешь не согласиться с мнением господина учителя и нисколько не удивишься, когда я скажу тебе, что и в моей душе и в сердце случилась маленькая перемена. Поверь, я по-прежнему весьма благосклонна к тебе и живо представляю себе, как ты красив в красной бархатной шапочке с золотом, но что до замужества - то, знаешь, любезный Амандус, как ни умен ты и какие бы ни складывал прелестные стишки, ты все же не король и никогда им не сделаешься, и - не пугайся, милый, - маленький господин фон Кордуаншпиц вовсе не господин фон Кордуаншпиц, а могущественный король по имени Даукус Карота Первый, государь всей овощной державы, избравший меня королевою! С тех пор как мой милый маленький король открыл свое инкогнито, он стал куда красивее, и я теперь отлично вижу, что папаша был прав, уверяя, что голова - украшение мужчины, а посему никогда не может быть чересчур велика. А к тому же у Даукуса Кароты Первого - видишь, как я хорошо запомнила и научилась писать это прекрасное имя, ибо оно мне хорошо знакомо, - да, я хотела сказать - у Моего маленького царственного жениха к тому же такие приятные и обходительные манеры, что нельзя и передать. И сколько мужества, сколько отваги у этого человека! На моих глазах он обратил в бегство герцога-редиску, человека, по всему виду, назойливого и строптивного, и - ух ты! - как он погнался за ним через окошко! Стоило бы тебе посмотреть! Я полагаю, мой Даукус Карота не побоится твоего оружия, он, видно, мужчина твердый, его не уязвишь стихами, как бы ни были они отточены и остры.

Так вот, любезный Амандус, как человек добродетельный, покорись судьбе и не серчай на меня за то, что я сделаюсь не твоею Женой, а королевой. Утешься - я навсегда останусь твоим благосклонным другом, и, ежели ты в будущем захочешь поступить в морковную гвардию или - ибо ты предпочитаешь оружие науки - получить должность в пастернаковой академии или тыквенном министерстве, то стоит тебе только молвить слово, и твое счастье обеспечено. Будь здоров и не поминай лихом твою прежнюю невесту, ныне же благожелательного друга и будущую королеву

Анну фон Цабельтау

(скоро уже не фон Цабельтау, а просто Анну).

P. S. Ты также будешь вволю обеспечен лучшим виргинским табаком, будь в том твердо уверен. Правда, мне сдается, что при моем дворе совсем не курят, так я велю засеять виргинским табаком несколько грядок неподалеку от трона, и они будут под моим особым надзором. Этого требуют культура и нравственность, и пусть мой Даукусик распорядится, чтобы издали о том особый указ».

Глава пятая, в которой сообщается об ужасной катастрофе и о том, что за ней воспоследовало.

Фрейлейн Аннхен только что отправила послание к господину Амандусу фон Небельштерну, как вошел господин Дапсуль фон Цабельтау и плаксивейшим тоном глубочайшей скорби принялся сетовать:

- О дочь моя Анна! Как бесчестно мы обмануты! Этот злодей, завлекший тебя в свои сети и уверивший меня, что он барон Порфирио фон Океродастес, прозванный Кордуаншпиц, потомок славного рода, коему положил начало знаменитейший гном Тсильменех, сочетавшийся с благородной аббатисой из Кордовы, так вот этот злодей - узнай о том и лишись чувств! - сам гном, но только из того низкого рода, что ведает овощами. Гном Тсильменех был из благороднейшего рода, именно из того, коему вверено попечение об алмазах. За ним следует род тех, что готовят руду в государстве короля руды, потом цветочники, которые уже по одному тому не столь благородны, что подвластны сильфам. Но самые худородные и ничтожные - это овощные

гномы, и обманщик Кордуаншпиц не только сам из таких гномов, но он даже у них королем, и зовут его Даукус Карота!

Фрейлейн Аннхен вовсе не упала в обморок и даже нимало не испугалась, но приветливо улыбнулась горько сетующему отцу; благосклонный читатель уже знает почему! Но когда, чрезвычайно изумленный тем, господин Дапсуль фон Цабельтау все неотступнее стал упрашивать фрейлейн Аннхен ради самого неба провидеть жребий свой и ужаснуться, то фрейлейн Аннхен решила, что она не вправе дольше хранить вверенную ей тайну. Она рассказала господину Дапсулю фон Цабельтау, что так называемый господин барон фон Кордуаншпиц сам давно уже открыл ей свое настоящее королевское достоинство и с той поры сделался ей так любезен, что она и думать не хочет о другом муже. Она тут же описала все диковинные красоты овощной страны, куда ввел ее король Даукус Карота Первый, и не забыла воздать должную хвалу необычайной привлекательности обитателей этого обширного государства.

Господин Дапсуль фон Цабельтау не раз всплеснул руками и горестно плакал, слыша о коварстве короля гномов, который употребил искуснейшие и даже опасные для него самого средства, дабы завлечь злосчастную Анну в мрачное демоническое царство.

- Как ни прекрасен, - начал пояснять господин Дапсуль фон Цабельтау внимательно слушающей дочери, - как ни прекрасен, как ни благодетелен союз стихийного духа с человеческим началом, славным примером чему служит брак гнома Тсильменеха с Магдаленой де ла Круа, по какой причине предательский Даукус Карота и объявляет себя отпрыском их рода, однако ж совсем иначе обстоит дело с королями и князьями различных племен подобных духов. Если короли саламандр только гневливы, короли сильфов только надменны, королевы ундин только весьма влюбчивы и ревнивы, то короли гномов коварны, злобны и жестоки: только затем, чтобы отомстить детям земли, похищающим у них вассалов, они стараются заманить к себе одного из них, который потом теряет свой человеческий облик и становится столь же уродливым, как гномы, и принужден удалиться в глубь земли и уже никогда больше не выходить на поверхность.

Фрейлейн Аннхен, казалось, была совсем не расположена верить всему предосудительному, что приписывал господин Дапсуль фон Цабельтау ее милому Даукусу, напротив, она снова принялась рассказывать о чудесах прелестной овощной страны, где она вскоре станет повелительницей.

- Слепленное, - воскликнул в гневе господин Дапсуль фон Цабельтау, - слепленное, безрассудное дитя! Ужели ты считаешь отца своего настолько несведущим в кабалистической мудрости, что сомневаешься, когда он говорит, что все представленное твоему взору презренным Даукусом Каротой не что иное, как ложь и наваждение? Однако ты не веришь мне, и дабы спасти тебя, единственное дитя мое, я должен убедить себя, но для того я принужден буду прибегнуть к средствам самым отчаянным! Следуй за мной!

Во второй раз должна была фрейлейн Аннхен подняться вместе с отцом на астрономическую башню. Господин Дапсуль фон Цабельтау достал из большого ларца множество желтых, красных, белых и зеленых лент и со странными церемониями обвил ими фрейлейн Аннхен с ног до головы. С самим собою он проделал то же самое, и вот фрейлейн Аннхен и господин Дапсуль фон Цабельтау осторожно подкрались к шелковому дворцу короля Даукуса Кароты Первого. По приказанию отца фрейлейн Аннхен распорол шов взятыми с собою маленькими ножницами и заглянула в щелку.

Боже правый! Что же увидела она вместо прекрасного огорода, морковной гвардии, фрейлин кудрявой капусты, лавандовых пажей, салатных принцев и всего того, что показалось ей столь чудесным и великолепным? Она заглянула в болотную топь, полную бесцветной, отвратительной тины. И в этой тине копошились и извивались уродливые жители земных недр. Жирные дождевые черви медленно сплетались друг с другом, в то время как похожие на жуков животные тяжело ползали, вытягивая короткие ножки; на спине у них сидели большие луковицы с уродливыми

человеческими лицами, скалили зубы и косили мутные желтые глаза, стараясь запустить друг другу в длинные кривые носы когти, росшие у них возле самых ушей, и столкнуть в тину, меж тем как тощие, голые улитки, высовывая из болотной топи свои длинные рога, копошились друг на друге с отвратительной вялостью. При этом омерзительном зрелище фрейлейн Аннхен от ужаса едва не упала замертво. Закрыв лицо руками, она опрометью бросилась прочь.

- Теперь ты видишь, как позорно обманул тебя гнусный Даукус Карота, который показал тебе столь непрочное великолепие! О, вассалам своим он велел одеваться в праздничное платье, а гвардейцам - в мундиры, чтобы увлечь тебя ослепительной пышностью, а теперь ты воочию видела без парадного убранства страну, повелительницей которой хочешь сделаться; став супругой ужасного Даукуса Кароты, ты принуждена будешь навсегда остаться в подземном царстве и никогда не возвратишься на поверхность земли. И когда... Ах! Ах! Что довелось увидеть мне, несчастнейшему из отцов!

Господин Дапсуль фон Цабельтау внезапно так разволновался, что фрейлейн Аннхен почувствовала, что в тот самый миг случилось новое несчастье. Она робко спросила, отчего ее папочка так сокрушается, но он, задыхаясь от рыданий, мог только пролепетать:

- О-о-о - дочь - ммо-я - наа-кко-го - же - ты - по-хо-о-о-о-жа?

Фрейлейн Аннхен бросилась в комнату, посмотрелась в зеркало и отпрянула в смертельном испуге.

На то у нее была причина, и вот какая: едва только господин Дапсуль фон Цабельтау захотел остеречь невесту короля Даукуса Кароты Первого, что ей грозит опасность постепенно утратить свой облик и свой стан и мало-помалу принять вид, приличествующий королеве гномов, он вдруг приметил ужасную перемену. Голова Аннхен раздалась во все стороны, а кожа стала шафрановой, так что она порядком подурнела. И хотя фрейлейн Аннхен была не особенно тщеславна, все же у нее достало женского самолюбия уразуметь, что сделаться безобразной - это самое величайшее и ужаснейшее несчастье, какое только может приключиться. Как часто мечтала она о таком великолепии, когда, став королевой, с короной на голове, в атласном платье, украшенная алмазными ожерельями, золотыми цепями и кольцами, в воскресенье поедет со своим венценосным супругом в церковь в карете, заложенной восьмеркой лошадей, и приведет в удивление всех кумушек, не исключая и жены учителя, внушая уважение к себе даже заносчивым помещикам того деревенского прихода, к которому принадлежал Дапсульхейм; а как часто предавалась она подобным необыкновенным мечтам! Фрейлейн Аннхен залилась слезами.

- Анна, дочь моя Анна, подымись ко мне скорей наверх! - прокричал господин Дапсуль фон Цабельтау в слуховую трубу.

Фрейлейн Аннхен застала отца одетым наподобие рудокопа. Он заговорил с достоинством:

- Чем сильнее нужда, тем ближе помощь. Даукус Карота, как я только что разузнал, ни сегодня, ни завтра до самого обеда не выйдет из дворца. Он созвал принцев своего дома, министров и других вельмож государства, чтобы держать совет о белой капусте нынешнего года. Совет весьма важный и, быть может, продлится так долго, что мы нынче останемся совсем без белой капусты. Это время, пока Даукус Карота, углубленный в государственные дела, не сможет помешать мне, я хочу употребить на то, чтобы изготовить оружие, коим, быть может, удастся одолеть и победить презренного гнома, так что он обратится в бегство и возвратит тебе свободу. Покамест я здесь работаю, ты, не сводя глаз, смотри в подозрную трубу на шатер и тотчас скажи мне, когда кто-нибудь выглянет, а тем паче выйдет оттуда.

Фрейлейн Аннхен поступила как ей было велено, но шатер не раскрывался; однако, невзирая на то что господин Дапсуль фон Цабельтау в нескольких шагах от нее сильно стучал молотком по металлическим доскам, до нее нередко доносились дикие смешанные крики, которые исходили как будто из шатра, а потом шумные рукоплескания, впрочем, скорее похожие на пощечины. Она сообщила о том господину Дапсулю фон Цабельтау, который остался этим весьма доволен и сказал: «Чем сильнее они повздорят между собой внутри шатра, тем труднее им заметить, что тут куется им на погибель».

Фрейлейн Аннхен немало изумилась, увидев, что господин Дапсуль фон Цабельтау выковал из меди несколько премилых кухонных кастрюль и такие же сковороды; будучи знатоком, она убедилась, что посуда весьма прочная и что папаша как надлежало выполнил долг, возлагаемый законом на медников, и спросила, нельзя ли ей снести на кухню и употребить в дело такую славную посуду? Тут господин Дапсуль фон Цабельтау таинственно улыбнулся и сказал только:

- В свое время, в свое время, дочь моя Анна; сойди теперь вниз, любезное дитя, и спокойно ожидай

того, что завтра случится в нашем доме.

Господин Дапсуль фон Цабельтау улыбнулся, и это внушило несчастной фрейлейн Аннхен доверие к нему и надежду.

На другой день, когда приспело время обедать, господин Дапсуль фон Цабельтау спустился вниз с кастрюлями и сковородами, вошел в кухню и велел фрейлейн Аннхен и служанке удалиться, ибо он сам вознамерился приготовить сегодня обед. Он упрашивал фрейлейн Аннхен, чтобы она как можно любезнее и приветливее обходилась с Кордуаншпицем, который, наверное, скоро прибудет.

Кордуаншпиц, или, вернее, король Даукус Карота Первый, действительно скоро явился, и если прежде он вел себя как влюбленный, то теперь просто таял от восторга и блаженства. К ужасу своему, фрейлейн Аннхен заметила, что так уменьшилась в росте, что Даукус без труда прыгал к ней на колени, ласкал и целовал ее, и несчастной приходилось терпеть, несмотря на глубокое отвращение к маленькому мерзкому уродцу.

Наконец господин Дапсуль фон Цабельтау вошел в комнату и сказал:

- О мой превосходнейший Порфирио фон Океродастос, не угодно ли вам пройти со мной и дочерью моею на кухню и заглянуть, как хорошо и домовито устроила все там ваша будущая супруга?

Никогда еще фрейлейн Аннхен не замечала у отца столь коварного и злорадного вида, с каким он схватил маленького Даукуса за руку и почти силою вытащил его из комнаты на кухню. По знаку, данному отцом, фрейлейн Аннхен последовала за ними.

У фрейлейн Аннхен сильно забило сердце, когда она увидела чудесно потрескивающие дрова, раскаленные угли и красивые медные кастрюли и сковороды на очаге. Едва только господин Дапсуль фон Цабельтау подвел Кордуаншпица к самому очагу, как в кастрюлях и сковородах все зашипело и закипело, и, все усиливаясь, это шипение и кипение перешло наконец в робкое повизгивание и стоны. И вдруг из одной кастрюли послышался вопль:

- О Даукус Карота, о мой король, спаси верных своих подданных, спаси нас, бедных морковок! Изрезанные, брошенные в презренную воду, напитанные, чтобы сильнее мучиться, маслом и солью, изнываем мы в невыразимых муках, которые разделяет с нами благородная юная петрушка!

Со сковороды тоже раздались жалобы:

- О Даукус Карота, о мой король, спаси верных своих подданных, спаси нас, бедных морковок! Мы горим в аду, нам дали так мало воды, что ужасная жажда понуждает нас пить кровь наших сердец!

Из другой кастрюли донеслось повизгивание:

- О Даукус Карота, о мой король, спаси верных своих подданных, спаси нас, бедных морковок! Выпотрошил нас жестокий повар, рассек нашу сердцевину и начинил множеством чужеродных веществ - яйцами, сливками и маслом, так что помутились наши чувства и разум, и мы уж сами себя не понимаем.

И тут смешались крики и вопли изо всех кастрюль и сковород:

- О Даукус Карота, могучий король, спаси, о спаси нас, своих верных вассалов, спаси нас, бедных морковок!

Тут Кордуаншпиц пронзительно закричал:

- Адские, безумные выдумки!

Прыгнул с присущей ему ловкостью на очаг, заглянул в одну кастрюлю и неожиданно свалился туда. Господин Дапсуль фон Цабельтау стремительно подскочил и, радостно воскликнув:

«Попался!» - хотел было прикрыть кастрюлю крышечкой, но с быстротой спиральной пружины Кордуаншпиц вылетел из кастрюли и залепил господину Дапсулю фон Цабельтау несколько увесистых затрещин, крича во всеуслышание:

- Глупый, самонадеянный кабалист, тебе придется за это поплатиться! А ну, ребята, вылезайте-ка, вылезайте все разом!

И тут из всех кастрюль и со всех сковородок словно посыпалась дикая орда, и сотни маленьких уродцев, величиною с палец, кинулись со всех сторон на господина Дапсуля фон Цабельтау, повалили его навзничь в большое блюдо, заправили его, облив наваром из всех посуды и посыпав рублеными яйцами, мускатным цветом и тертыми сухарями, после чего Даукус Карота выпрыгнул в окно, и его подданные последовали за ним.

Фрейлейн Аннхен в ужасе упала возле блюда, на котором распластался ее бедный приправленный папаша: она сочла его мертвым, ибо он не подавал никаких признаков жизни. Она стала сетовать:

- Ах, бедный мой отец, вот теперь ты умер и ничто не спасет меня от адского Даукуса!

Но тут господин Дапсуль фон Цабельтау открыл глаза, с юношеской силой выскочил из блюда и прокричал столь зычным голосом, какого фрейлейн Аннхен у него никогда еще не слыхивала:

- Ого, проклятуший Даукус Карота, силы мои еще не истощились! Ты скоро узнаешь, на что способен глупый, самонадеянный кабалист!

Фрейлейн Аннхен пришлось наскоро счистить с него метелкой рубленые яйца, мускатный цвет и тертые сухари. Тогда он взял медную кастрюлю, надел ее, словно шлем, на голову, левой рукой схватил сковороду, а правой - большой железный уполовник и, вооружившись таким образом, выскочил из кухни во двор. Девушка Аннхен видела, как господин Дапсуль фон Цабельтау бежал со всех ног к шатру Кордуаншпица, а меж тем не трогался с места. И тут она лишилась чувств.

Когда она пришла в себя, господин Дапсуль фон Цабельтау исчез, и она страшно перепугалась, когда он не воротился ни вечером, ни ночью, ни даже на следующее утро. Она догадывалась о прискорбном исходе его нового предприятия.

Глава шестая, последняя, и притом самая назидательная из всех.

Фрейлейн Аннхен сидела у себя в горнице, погруженная в глубокую печаль, как вдруг отворились двери и вошел не кто иной, как господин Амандус фон Небельштерн. Полная раскаяния и стыда, фрейлейн Аннхен залилась слезами и начала жалобно умолять:

- О мой возлюбленный Амандус, прости все, что я в ослеплении писала тебе. Но я была и, наверное, еще до сих пор остаюсь околдована. Спаси меня, спаси меня, Амандус! Я пожелтела и подурнела - на все воля божия, но я сохранила в моем сердце верность тебе и уже не хочу быть королевской невестой!

- Не знаю, - возразил Амандус фон Небельштерн, - не знаю, на что вы так сетуете, сударыня, вам ведь уготован прекраснейший, блистательнейший жребий!

- Не насмехайся, - воскликнула фрейлейн Аннхен, - я и без того довольно наказана за свою безрассудную гордость - за желание стать королевой!

- Взаправду, - продолжал господин Амандус фон Небельштерн, - я не понимаю вас, дорогая фрейлейн. Если говорить откровенно, то, признаюсь, последнее ваше письмо возбудило во мне бешенство и отчаяние. Я прибил слугу, потом пуделя, разбил несколько стаканов, вы ведь знаете, что с разбушевавшимся студентом шутки плохи. Когда же я отбесновался, то решил поспешить

сюда и собственными очами удостовериться, как, отчего и ради кого я лишился возлюбленной невесты. Любовь не знает ни чина, ни ранга, я хотел потребовать к ответу самого короля Даукуса Кароту и спросить у него, послужит ли поводом к дуэли то, что он женится на моей невесте. Между тем здесь все пошло иначе. Только я поравнялся с прекрасным шатром, что разбит там, на усадьбе, из него вышел король Даукус Карота, и я скоро убедился, что предо мной - самый любезный из монархов, какой только может быть на свете, хотя мне, говоря по правде, до сих пор еще ни один из них не попадался: подумайте, фрейлейн, он тотчас узнал во мне возвышенного поэта, безмерно хвалил мои стихи, которых еще не читал, и предложил мне пойти к нему на службу придворным поэтом. С давних пор прекраснейшею целью моих пламенных желаний было пристроиться на такую должность; вне себя от радости, я принял это предложение. О моя дорогая фрейлейн! С каким воодушевлением буду я воспевать вас! Поэт может влюбляться в королев и княгинь, или, лучше сказать, его долг избрать дамой своего сердца высокую особу, а ежели он впадет в некоторое исступление, то из этого и рождается божественный бред, без которого не существует поэзии, и никто не станет удивляться странным поступкам поэта, а тут же вспомнит великого Тассо[*], который тоже несколько утратил обыкновенный человеческий разум, когда влюбился в принцессу Леонору д'Эсте. Да, дорогая моя фрейлейн, хотя вы скоро будете королевой, вы все же останетесь дамой моего сердца, которую я в возвышенных и божественных стихах превознесу до самых звезд!

[* Тассо Торквато (1544 - 1595) - великий итальянский поэт эпохи Возрождения.]

- Как, ты видел его, коварного кобольда, и он!.. - вскричала весьма изумленная фрейлейн Аннхен, но в тот же миг маленький король гномов явился собственной персоной и нежнейшим голосом заговорил:

- Не страшитесь, моя бесценная, любезная невеста, кумир моего сердца; меня нимало не разгневала та небольшая неловкость, какую совершил господин Дапсуль фон Цабельтау! Нет - уже по одному тому, что это приблизило мое счастье, ибо, сверх моего ожидания, уже завтра, возлюбленной, воследует наше торжественное бракосочетание. Вас порадует, что я избрал господина Амандуса фон Небельштерна нашим придворным поэтом, и я хочу, чтобы он сейчас представил нам образчик своего таланта - что-нибудь спел бы. Только отправимся в беседку, ибо я люблю посидеть на свежем воздухе, я взберусь к вам на колени, возлюбленная невеста, и во время пения вы поищите у меня в голове, что в подобных случаях весьма приятно!

Фрейлейн Аннхен, оцепенев от страха и ужаса, была на все согласна. В беседке Даукус Карота уселся к ней на колени, она искала у него в голове, а господин Амандус фон Небельштерн, перебирая струны гитары, запел первую из двенадцати дюжин песен, которые он сам сочинил, переложил на музыку и переписал в толстую тетрадь.

Жаль, что в хронике Дапсульхейма, откуда извлечен наш рассказ, нет этих песен, а только упоминается о том, что проходившие мимо крестьяне останавливались и любопытствовали, кто это так терзается от боли, что вопит столь немилосердно в беседке господина Дапсуля фон Цабельтау?

Даукус Карота извивался и корчился на коленях у фрейлейн Аннхен, он стонал и визжал все жалостнее и жалостнее, словно страдал от нестерпимых коликов в желудке. К своему немалому изумлению, фрейлейн Аннхен также заметила, что во время пения Кордуаншпиц становился все меньше и меньше. Наконец господин Амандус фон Небельштерн запел следующие возвышенные строфы (единственная песня, которую сохранила хроника):

Как не петь певца устам!

Ароматы, вздохи, грезы

Плавно стелются сквозь розы

Где-то в небе, где-то там.

Золотое где-то - там!
Ты над радугой лучистой
По волне плывешь цветистой,
Ты, как детское сам-сам,
Пусть оно, любя, тоскует,
С голубками пусть воркует,
Пищу даст певца устам.
Вслед за дальним где-то - там
Он, певец, парит сквозь розы,
И познает счастья грезы,
И пребудет вечно сам!
Чуть лишь вспыхнут страсти там,
Как любви зажгутся свечи,
Ждут его лобзанья, встречи,
Ароматы, вздохи, грезы,
Упований сладких слезы
И...

Даукус Карота, громко взвизгнув, скатился, обратясь в крохотную морковку, с колен фрейлейн Аннхен, юркнул прямо в землю и в тот же миг исчез без следа. Тогда поднялся серый гриб, что, казалось, вырос за ночь у самой дерновой скамьи, и этот гриб оказался не чем иным, как серой войлочной шляпой господина Дапсуля фон Цабельтау, а под нею скрывался он сам. Поднявшись, он с жаром бросился на грудь к господину Амандусу фон Небельштерну и закричал в сильнейшем экстазе:

- О мой дражайший, превосходнейший, милейший господин Амандус фон Небельштерн! Вы сразили всю мою кабалистическую мудрость вашими могущественными стихотворными заклинаниями. То, с чем не совладали ни глубочайшее искусство магии, ни отважное мужество отчаявшегося философа, совершили ваши стихи, которые, словно крепчайший яд, впитались в тело предательского Даукуса Кароты, и он, невзирая на свою гномическую природу, погиб бы самым жалким образом от рези в животе, когда б не поспешил уйти в свое царство. Спасена дочь моя Анна, спасен и я от ужасных чар, которые приковали меня к этому месту, где я принял вид поганого гриба и подвергся опасности погибнуть от рук собственной дочери. Ибо добрая девушка острым заступом безжалостно расправляется со всеми грибами в саду и на огороде, ежели они тотчас не обнаруживают своего благородного происхождения, как, например, шампиньоны. Благодарю вас, горячо, сердечно благодарю, и - не правда ли, глубокоуважаемый господин Амандус фон Небельштерн, - между вами и моей дочерью все останется по-старому? Верно, она - да смилуется над нами небо! - кознями злобного гнома лишилась своей красоты, но вы довольно философ, чтобы...

- Ах, папаша, любезный папаша, взгляните туда, шелковый-то дворец исчез. Сгинул отвратительный урод вместе со своей свитой салатных принцев и тыквенных министров и невесть с кем еще! - И фрейлейн Аннхен побежала на огород.

Господин Дапсуль фон Цабельтау быстро, как только мог, пустился вслед за дочерью, за ним последовал господин Амандус фон Небельштерн, ворчавший в бороду:

- Не приложу ума, что все это значит, однако же утверждаю, что маленький мерзкий морковный человечек - бесстыдный, погрязший в прозе бездельник, а не поэтический король, иначе у него не случилось бы коллик в животе от моей возвышенной песни и он не уполз бы в землю.

На огороде, где от всей зелени не осталось и стебелька, фрейлейн Аннхен почувствовала жестокую боль в пальце, на котором был надет роковой перстень. В тот же миг из земли послышался раздирающий сердце стон и показался кончик морковки. Следуя безошибочному предчувствию, фрейлейн Аннхен с легкостью сняла с пальца ранее столь неподатливый перстень и надела его на морковку, которая сейчас же исчезла, а стоны прекратились, и - о чудо! - фрейлейн Аннхен тотчас же стала такой, как и прежде, прелестной и стройной, и так бела, как только можно требовать от хозяйственной деревенской девицы. Оба - фрейлейн Аннхен и господин Дапсуль фон Цабельтау - были в восторге, между тем как господин Амандус был ошеломлен и никак не мог уразуметь, что же все это означает.

Фрейлейн Аннхен взяла из рук подросшей старшей служанки заступ и, воскликнув: «Ну, а теперь за работу!» - размахнулась, да так несчастливо, что угодила господину Амандусу фон Небельштерну в голову (как раз по тому месту, где находится здравый смысл), и он упал замертво. Фрейлейн Аннхен далеко отбросила смертоносное орудие, бросилась наземь подле возлюбленного и в отчаянии жалобно заголосила, между тем как старшая служанка вылила на него полную лейку воды, а господин Дапсуль фон Цабельтау торопливо поднялся на астрономическую башню, чтобы безотлагательно спросить созвездия, впрямь ли умер господин Амандус фон Небельштерн. Прошло немного времени, и господин Амандус фон Небельштерн открыл глаза, вскочил и, весь вымокший, заключил в объятия фрейлейн Аннхен, восклицая в любовном восторге:

- О моя превосходнейшая, дражайшая Аннхен! Теперь мы снова обрели друг друга!

Вскоре обнаружилось весьма примечательное, даже едва вероятное действие этого происшествия на возлюбленных. Направление их ума странным образом переменялось.

Фрейлейн Аннхен получила отвращение к работе заступом и, поистине словно настоящая королева, управляла овощным царством, ибо с любовью следила за тем, чтобы заботились и пеклись о ее подданных, но сама не прикладывала рук, препоручив все преданным служанкам. А господину Амандусу фон Небельштерну все его поэтические порывы, все, что он написал, показалось чрезвычайно нелепым и вздорным; он углубился в произведения подлинных великих поэтов древности и нынешних времен, благотворное вдохновение наполнило его душу, и он перестал думать о своем собственном «я». Он пришел к убеждению, что стихи должны быть не путаным набором слов, возникающим из нелепых бредней, а чем-то иным, и побросал в огонь все, что накопал в стихах и чем сам так восхищался и кичился; он стал прежним рассудительным, чистым сердцем и помыслами юношей.

Однажды утром господин Дапсуль фон Цабельтау действительно сошел с астрономической башни, чтобы проводить фрейлейн Аннхен и господина Амандуса фон Небельштерна в церковь к венцу.

В супружестве они зажили счастливо и радостно; но случилось ли что-нибудь из брачного союза господина Дапсуля с сильфидою Нехахила, о том хроника Дапсульхейма умалчивает.